

АЛЕКСАНДР
СУХОВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ТАЙНЫЕ БОГИ ЗЕМЛИ

Меж мирами скользящий

Александр Сухов

Тайные боги Земли

«ЭКСМО»

2010

Сухов А. Е.

Тайные боги Земли / А. Е. Сухов — «Эксмо», 2010 — (Меж мирами скользящий)

Искалеченный в Афганистане бывший старлей, а ныне бездомный бродяга Андрей Шатун уже много лет собирает бутылки в захолустном городишке. Однако загадочные обстоятельства круто меняют его судьбу. Обретя невероятные способности, Андрей возвращается в столицу – и здесь на собственном опыте убеждается в существовании таких же, как он, магов, образующих Братство Посвященных. Уже много тысячелетий эти тайные боги Земли формируют историю человечества и с переменным успехом сражаются с потомками Сатаны. Вставать у них на пути смертельно опасно – впрочем, так же, как и участвовать в их интригах и глобальных операциях...

© Сухов А. Е., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	20
Глава 3	28
Глава 4	38
Глава 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Александр Евгеньевич Сухов

Тайные боги Земли

Существует забавная старинная теория, что у человека могут быть две души -

одна внешняя, которая служит ему постоянно, и другая внутренняя, которая

пробуждается изредка, но, проснувшись, живет интенсивно и ярко.

О. Генри «Короли и капуста»

Пролог

Серо-желто-бело-голубая тоска. Слева – сплошная серая стена Гиндукуша. Кажется, она вот-вот навалится всей своей невероятной массой и оставит от тебя мокрое красное пятно. Взгляд особенно не задерживается на унылой горной серости разных оттенков, а поневоле устремляется ввысь к сияющим заснеженным пикам и дальше – в бездонную синь афганского неба. Справа – обширная долина, разрезанная на две неровные половинки текущим с гор водным потоком. Там все сплошь песочно-желтое, грязно-бурое, унылое с вкраплениями белого. Выпавший накануне снег оставил на полях неряшливые пятна, смешался с дорожной пылью, превратив ее в жирную липучую грязь. Ничего не поделаешь, зима бывает и в Афганистане. Не такая белая и не столь долгая, как где-нибудь под Рязанью или Вологдой, скорее серая. Днем довольно тепло и солнечно, ночью температура воздуха зачастую опускается ниже ноля. Впрочем, лучше грязь под колесами и гусеницами, чем извечная беда здешних мест – пыль. К тому же зимой не бывает другой местной беды – непредсказуемого «афганца» – иссушающего ветра, приносящего из знойных южных пустынь горячий воздух вместе с тучами песка и пыли.

По струящемуся вдоль горных отрогов серпантину неспешно движется колонна грузовиков в сопровождении группы БТРов и БМП. В кабине одного из доверху набитых гуманитарной помощью братскому народу Афганистана «ЗИЛов» рядом с водителем-сержантом сидит старший лейтенант. Несмотря на три звезды на погонах, старлей выглядит не намного старше бойца срочной службы, азартно терзающего рулевую баранку. Даже старательно культивируемые усики под слегка курносым славянским носом не придают ему какой-то особенной солидности. По большому счету, он как был семнадцатилетним юношей, поступившим семь лет назад в воздушно-десантное училище, так им и остался. Даже полтора года, проведенные в этой загадочной стране в тесном контакте с ее не менее загадочными обитателями, не прибавили ему особенно жизненного опыта. Все вокруг него постоянно крутились: что-то покупали-продавали, вели обменные операции друг с другом и местным населением, всеми правдами и неправдами старались переправить на родину какие-то шмотки, радиоаппаратуру, золотишко и даже зеленые бумажки с портретами американских президентов. Для чего нужны цветастые афганские шали, японская электроника, качественная джинса от «Levi Strauss», а также колечки, цепочки и серьги старлею было, в общем-то, понятно – благоверная популярно объяснила еще перед отъездом в заграникомандировку. Но маниакальное стремление некоторых личностей стать обладателями долларов и непонятно для чего переправить их в Союз, где за одно лишь обладание ими светила серьезная статья, никак не укладывалось в его юную голову.

Старший лейтенант был задумчив, отчего выглядел довольно хмурым, даже слегка угрюмым. Только не подумайте, что он ломал голову над тем, как возможно быстрее и малой кровью одолеть моджахедов и прочих неугомонных личностей, подбивающих местных дехкан и феллахов ко всякого рода непотребствам. Дело в том, что во время загрузки автомобиля ему удалось подглядеть, как в бездонные недра грузовика были помещены пять ящиков светлого чешского пива. Теперь голова его была занята одним единственным вопросом: «Для какой такой надобности эти ящики оказались в числе прочих грузов, предназначенных в качестве гуманитарной помощи всё тем же феллахам и дехканам?».

«Вот же козлы эти гражданские! – стараясь ничем не проявить внутреннее негодование, мысленно рассуждал старлей. – На кой хрен духам пиво? У них Коран, значит, пиво, вино и даже водяра под запретом...»

Далее его мысли потекли по вполне предсказуемому руслу, и в самом скором времени в голове молодого человека сформировался вполне реальный план завладения одним-двумя ящиками пенистого янтарного напитка методом хищения. Вот ребята обрадуются.

Неожиданно глубокомыслия старшего лейтенанта были прерваны водителем, которому надоело молча крутить баранку, объезжая многочисленные рытвины и колдобины.

– Не пойму я, товарищ старший лейтенант, одного. Живут местные, как в диком Средневековье. Землю пашут на волах деревянной сохой, моются раз в год, баб своих держат в черном теле – без паранджи из дома ни на шаг. Прямо «Белое солнце пустыни»...

– Ага, а ты – товарищ Сухов, посланный для наведения порядка, – сострил офицер.

– Ну где-то так, – не уловив язвинки в голосе собеседника, с серьезным видом ответил боец, – должен же кто-нибудь их чему-то научить.

– Ух ты! – старший лейтенант посмотрел на сержанта с нескрываемым интересом. – Значица, в цивилизаторы записался?.. Большой белый брат... Похвально, похвально!.. – Однако, немного помолчав, добавил: – Не... не получится. И до нас пытались, и после нас будут пробовать – социализм здесь не катит. – Затем, саркастически усмехнувшись в лицо обомлевшему от подобной ереси водиле, продолжил в том же духе: – Ну пойми, паря, не желают наши братья жить ни по-советски, ни по-англицки, ни по каковски-друговски, так что рано или поздно выпихнут нас отсюда с позором, как до этого всех прочих благодетелей. Историю нужно было хорошо учить в школе.

С минуту в кабине грузовика стояла гробовая тишина. Наконец водитель отошел от эмоционального ступора и обратился к офицеру с вопросом:

– Так отчего же вы здесь, товарищ старший лейтенант?

– Потому что дурак, – весело оскалился пассажир. – А может быть, неисправимый романтик – «Гренада, Гренада, Гренада моя». К тому же здесь неплохо платят. Выйдешь на «гражданку», женишься, вот тогда и познаешь счастье и неумную женскую тягу к красивой жизни... – Затем уже более серьезным тоном поинтересовался: – Сам-то откуда?

– Из-под Куйбышева, – ответил водила и, мечтательно улыбнувшись, продолжил: – Хорошо у нас там. Волга, рыбалка отменная, нет таких презлющих мух, и не воняет, как в здешних кишлаках. И как только местные такое терпят – куда ни сунься, помойка? Одно слово – неряхи. Ничего, через полгода дембель, как-нибудь дотянем, а там здравствуй, мама, ликуйте, девки – вам подарочек из далекого Афгана!

– Выходит, ты у нас из самарских, – одобрительно констатировал офицер. – А я из-под Тамбова, как говорится, – тамбовский волк, хотя, скажу тебе по секрету: этих тварей в наших местах практически не осталось. Хотя насчет рыбалки и охоты у нас пока что неплохо, а боро-виков и рыжиков в сезон – косой коси. Эх, брат, щас бы забуриться на берег Цны в приятной компании...

Офицер замолчал и о чем-то задумался, сосредоточив все свое внимание на унылом пейзаже за стеклом автомобиля. На самом деле ни песчано-желто-серые ландшафты, ни проносающиеся мимо «Тойоты», «Фольксвагены», «уазики» аборигенов, доверху набитые какими-то мешками, корзинами с овощами и фруктами, ни верблюжьи караваны, мерно бредущие вдоль обочины дороги, его не интересовали – за проведенные здесь полтора года он вдоволь насмотрелся на всю эту экзотику. Старший лейтенант попросту тупо пялился в окно, пропуская мимо сознания надоевшие до тошноты образы и фигуры.

В какой-то момент он вдруг осознал, что поток встречных автомобилей как-то неожиданно сошел на нет, а также резко поубавилось количество верблюдов и ишаков. Как следствие, острым ножом резануло по сердцу нехорошее предчувствие. За полтора года войны у старлея выработалось своего рода звериное чутье на опасность, и теперь это новое свойство его натуры старалось предупредить его о какой-то надвигающейся весьма серьезной угрозе.

– Вот же суки двуличные! – громко воскликнул он и тут же пояснил ошарашенному сержанту: – Это я в адрес братьев-афганцев. Чует мое сердце – впереди засада! Видишь, на встрече нет никого, и верблюды с ишаками куда-то подевались? Значит, нас ждут, и каждой шелудивой окрестной собаке об этом уже известно, кроме, конечно, наших храбрых особистов.

Так что, парень, будь готов ко всяким неожиданностям и моли Господа нашего, коего по заверениям Карла Маркса и начполита полковника Бодягина не существует в природе, чтобы мои опасения не оправдались.

С этими словами он взял в руки свой надежный неоднократно проверенный в деле «АКМС» и натянул на голову стальной шлем. Сержант недаром числился «дедушкой» – мгновенно сообразил, что к чему, и также извлек откуда-то из-за спинки сиденья свой «калаш» и нахлобучил каску.

– В случае чего, – продолжал поучать старлей, – плюнь на машину, беги к обочине и прячься за ближайшим валуном. Особенно не высывайся, иначе...

Договорить он не успел, под гусеницами головной БМП ярко полыхнуло, затем громко бабахнуло, и боевую многотонную машину вознесло над дорогой метра на два, а потом опустило, но уже без гусеничных траков, передних катков и башни. Из недр ее повалил густой черный дым. Не вызывало сомнения, что фугас сработал именно так, как было задумано теми, кто его устанавливал, и что живых в машине не осталось.

– Во бя! – выругался сержант и ошалелыми глазами уставился на офицера.

– Чего зыришь?! – истошно заорал старлей. – Глуши мотор и мухой из кабины, вон к тому камню! Дальше действуешь по обстановке! Задача ясна?

– Так точно, товарищ стар...

Но старлей его уже не слышал. Распахнув настежь дверцу, он выпрыгнул из кабины и рванул, что было мочи к лежащему неподалеку обломку скалы, достаточно крупному, чтобы защитить его от пуль и осколков. Не успел он добежать до означенного укрытия, как на колонну обрушился град пуль, минометных мин, реактивных снарядов, выпущенных из ручных гранатометов. Били четко, слаженно, по заранее пристрелянным секторам. Вне всякого сомнения, действовали отнюдь не дилетанты, а хорошо обученные боевики.

«Где же вертушки прикрытия? – сам себе задавал риторический вопрос старлей, глядя, как на его глазах колонна с гуманитарной помощью превращается в один гигантский костер. – Угробят, всех угробят, пока помощь подоспеет! Суки духи – верняк не без помощи наших союзничков устроили засаду! – продолжал возмущаться он, откидывая тем временем приклад и снимая оружие с предохранителя, – совсем обнаглели – рядом со столицей засады устраивают».

В следующий момент ему было уже не до возмущений, высунувшись из-за уютного камня, он моментально сориентировался, откуда ведется огонь по колонне. Стреляли со стороны лесного массива, а также с окрестных высоток. Короче, обложили капитально. Выяснив оперативную обстановку, офицер начал действовать уже на уровне рефлексов – даром что ли рубал казенные харчи в военном училище целых пять лет – кое-чему научили, к тому же полтора года в самом Афганистане...

Он стрелял. Стреляли по нему. Когда становилось особенно жарко, менял позицию. Вскоре старший лейтенант с удовлетворением отметил, что экипажи боевых машин очухались и приступили к выполнению возложенной на них задачи. Едва лишь это случилось, как душманы поубавили пыл. Грозные автоматические пушки БМП и крупнокалиберные пулеметы БТРов в мгновение ока подавили огневые точки противника на господствующих высотах. Однако мины продолжали время от времени падать на дорогу – стреляли откуда-то из-за бугра.

«Эх, сейчас сюда хотя бы одного «крокодила»¹ с нурсами да пулеметами! – подумал старлей. – И где этих летунов черти носят? Когда не нужны, снуют над головой туда-сюда – керосин переводят!»

Неожиданно его внимание привлек громкий крик. Он взглянул на дорогу и увидел среди горящих машин мечущегося из стороны в сторону паренька. Похоже, рядом с бедолагой разо-

¹ Вертолет «Ми-24».

рвалась мина, и на этой почве у него поехала крыша или, выражаясь военным языком: его здорово контузило. Солдат мычал, тупо крутил головой, бестолково пучил зенки и на крики товарищей никак не реагировал. Какое-то время духи не обращали на него никакого внимания, но очень скоро рядом с ним начали вспухать пылевые фонтанчики – утренняя грязь под лучами солнца успела просохнуть и снова превратилась в пыль.

– Уходи с дороги, мутила! – высунув нос из своего укрытия, заорал во всю свою луженую глотку старлей.

Но парень лишь продолжал мычать и метаться вдоль горячей колонны машин.

«Пропадет ни за грош», – подумал офицер и почему-то перед его внутренним взором возник бесконечный ряд заколоченных в деревянные ящики запаянных гробов, приготовленных к отправке на родину, и он негромко, но очень веско пробормотал: – Ошибаешься, падла костлявая, этого ты так запросто не получишь!

В следующий момент он выскочил из своего такого надежного, уютного, основательно обжитого укрытия и помчался к контуженному, отплевываясь от врага длинными очередями. Подбежал, левой рукой схватил парнишку за шиворот и только потянул его за собой, как услышал душераздирающий вой мчащейся к земле мины. По характерной высоте звука понял – это по его душу. Далее сработал на автомате: сделал подсечку рядовому и, не дожидаясь, когда тот упадет окончательно, навалился на него сверху. Шарахнуло где-то рядом. Затем острая невыносимая боль во всем теле и в самом конце спасительная тьма. Перед тем, как окончательно провалиться в ее ласковые объятия, старшего лейтенанта посетила забавная мысль:

– Ни хрена себе! Попили пивка.

Глава 1

Поначалу день вроде бы задался. Мне посчастливилось уложить в заплечную котомку две дюжины стеклотары, полсотни алюминиевых банок из-под пива и прочей дряни, коей травит себя нынешняя молодежь. А мне-то что? Пусть травит, лишь бы цветмет оставляли на видном месте и бутылки не кололи. Затем на одной из мусорок обнаружил выброшенный за ненадобностью холодильник, и как результат в мой рюкзачок попали увесистый моток медной проволоки и алюминиевая морозильная камера. Потом раскурочил старый телек и еще парочку приборов бытового назначения. Часам к десяти, когда сизо-красноносые конкуренты с рожами, опухшими от неумеренного употребления стеклоочистителя и прочей спиртосодержащей дряни, только-только начали выползать из своих убежищ, мой рюкзачок уже изрядно потяжелел и в совокупности тянул целковых на сто-сто пятьдесят. Оставалось сполоснуть «пузыри» и утоптать получше предназначенный к сдаче цветмет – приемщик Гариб ужасно не любит, когда вместе с ценным металлом ему стараются впарить избыточную толику воздуха. И пускай атмосфера в банках ничего не весит, зато занимает дополнительный объем на складе. Впрочем, ко мне у него никогда не бывает претензий – я хоть и при одной руке, также ноге, а в придачу и глазе, короче инвалид, но ударом кулака способен смять самую прочную алюминиевую банку в компактный лист.

Весело насвистывая и прихрамывая на покалеченную ногу, я побрел вдоль оврага, заваленного бытовым (к сожалению, для меня совершенно бесполезным) мусором, к небольшому озерцу, дабы совершить традиционное омовение стеклотары. Упаси Господи, зоркая Мармелада приметит в бутылке недокуренный бычок, или какую иную пакость – забракует всю партию и, невзирая на слезные мольбы и заверения о том, что подобное больше никогда не повторится, нарушитель будет немилосердно отлучен от пункта приема стеклотары как минимум на неделю. Вот тут-то меня поджидала первая за этот день засада в лице трех типов мужескаго полу откровенно маргинальной наружности, пребывающих в состоянии жутчайшего похмельного тремора. Парни были хорошо мне знакомы – не раз пересекались наши пути-дорожки на различных помойках и свалках славного городка Нелюбинска. Время от времени наши интересы вступали во взаимные противоречия, и мне вольно или невольно приходилось учить их уму-разуму – иногда очень даже больно. Однако в тупых головах, перманентно затуманенных спиртовой настойкой боярышника, стеклоочистителем или в лучшем случае дешевой гнилушкой, распространяемой под популярным в определенных кругах брендом – «портвейн 777», никак не мог уместиться тот факт, что какой-то ущербный индивид способен запросто отметить троих здоровенных молодцов. Поэтому попытки реванша предпринимались ими с завидной регулярностью. Звали эту неугомонную троицу Лунь, Вьюн и Эбистос.

Вообще-то сегодня я не был предрасположен к разборкам. Настроение на удивление отменное. С утра не болели раны, даже не ныли, как это обычно бывает. В рюкзаке достойная добыча. И вообще – первый по-настоящему теплый и солнечный внешний денек после долгой слякотной зимы, которую всем смертям назло мне все-таки удалось пережить. Мое мнение по поводу назревающего толковища, кажется, никого особенно не интересовало. К тому же, неподалеку на врытой в землю лавочке восседала синюшная Жанна, более известная как Жанна Дырк или просто – Дырка. Из личного опыта мне было хорошо известно, что присутствие дамы в компании мужчин предполагает всемерное проявление означенными мужами гусарской удачи и прочего брутального выпендрежа. По большому счету, я все-таки надеялся, что разум в буйных головах возобладает, и парни сделают вид, будто меня не заметили, но на всякий случай внутренне напрягся, готовясь к самому неприятному развитию дальнейшего сценария.

– Ух, ты! – преувеличенно громко воскликнул Вьюн – длинный худощавый тип лет едва за тридцать, облаченный в замызганный до основания джинсовый костюм и несвежий свитер грязно-серого цвета. При этом он стрельнул взглядом в сторону Жанны Дырк, как бы ища у дамы моральной поддержки. – Гля, парни! Какие люди и без охраны! Неужто сам Топтыгин! – И, обратившись уже непосредственно ко мне, с деланным участием поинтересовался: – По какому такому важному делу, позвольте узнать, в наших пенатах?

– Не Топтыгин, рожа нетрезвая, а Шатун! – в резкой форме я пресек оскорбительные поползновения новоявленного гусара. – Андрей Николаевич, к твоему сведению.

– Извиняйте, Андрей Николаевич, – продолжал изгаляться Вьюн, тем временем как его собутыльнички обступали меня с боков – по-военному это называется «взять в клещи». – Вы такой важный, представительный, не пьете, деньжищ, наверное, немерено, а у нас, ну как назло, даже пузырь гнилушки или пивка на опохмелку не на что купить...

К чему весь этот разговор, мне было понятно – бомжи, в общем-то, не были особенно склонны к мордобою. Если бы я по доброте душевной ли или со страху сделал добровольное пожертвование в их коллективный фонд, меня, скорее всего, оставили бы в покое. Однако, несмотря на наличие пяти десятирублевых купюр в моем кармане, откупаться я не собирался ни при каких обстоятельствах. Во-первых, стоит дать один раз, потом не отвяжешься. Во-вторых, лишних денег у меня отродясь не бывало. А в-третьих, несмотря на статус бомжа, то есть человека, отринутого обществом, я был мужчиной принципиальным и не собирался поощрять разного рода материальными и моральными бонусами вечно пьяное отребье.

– Нет у меня для вас денег, ребята, – отрезал я. – А ну разошлись! Уступили дорогу старшим!

Зная мою несговорчивость, ребята особенно и не надеялись что-либо выцыганить. При других обстоятельствах они, скорее всего, быстренько ретировались бы, но сегодня с ними была дама, и некое подобие чести требовало от них показать весь кураж, на который они способны. К тому же не пробуркавшаяся окончательно после бурной ночи Дырка подала голос со своей лавочки:

– Мужики, да чо ваще вы с им чикаетесь! Дали в морду, шоб не вякал, и дело с концом. Тоже мне Андрей Николаевич выискался тутова.

– Не торопи события, моя пташка, – Вьюн одарил Жанну самой лучезарной улыбкой, на которую был способен, из чего я сделал вывод о том, что этой ночью между ними случился бурный роман. А впрочем, кто знает, может быть, щедрая на ласку дама осчастливила разом всю троицу.

– Ну что, Косолапый? – на сей раз заговорил Лунь – самый пожилой и, пожалуй, авторитетный член банды. Был он невысок, коренаст. Ходил, прихрамывая, опираясь на трость, поскольку у него, как и у меня, не было одной ступни. Погоняло получил по причине наличия на его голове седой шевелюры, густой и вечно нечесаной. – Может, все-таки уважишь честную компанию?

– Не дожدهшься, рожа, – я решил поставить решительную точку в этом беспредметном разговоре, – полазь-ка сам по кустам и помойкам, насобирай бутылок... короче, заработай, ибо сказано в священном писании: «Кто не работает, тот не ест».

– Дык это не в писании сказано, – поправил меня Эбистос – среднего роста и неопределенного возраста мужчина в очках, делавших его похожим на спившегося интеллигента, впрочем, вполне вероятно, что так оно и было, – если не ошибаюсь, это сказал Ленин – величайший вождь мирового пролетариата, когда раскулачивал буржуев разных, которые, типа тебя, Шатун, кровушку народную пили.

Никакой явной или скрытой логики в словах интеллигентствующего маргинала я не уловил, хотя намек в свой адрес заценил сразу.

– Тупой ты, Эбистос, и если бы не я, ты до самой своей смерти не узнал бы, что эти святые слова принадлежат не твоему кумиру с усохшими от сифилиса мозгами, а самому апостолу Павлу. Короче, так, парни... Воль-ль-на!.. Разбрелись по лавкам! И не дышать в мою сторону своим поганым дыханием. Вопросы есть?

После этих слов я демонстративно поморщился и замахал ладошкой перед лицом, будто отгонял исходящее от немытых тел и из пастей бомжей невыносимо ядреное амбре. И как только Дырка ими не брезгует? А может быть, сама смердит похлеще? К счастью, мне неведома радость близкого общения с этой дамой.

– Не, вы слышали, мужики, что этот... этот... этот хмырь про Ильича сказал! – неподдельно возмущился «интеллигент» – аж очки запотели, а лиловый от нетрезвого образа жизни шнобель покрылся мелкой испариной. – Это ж надо... про самого вождя мирового пролетариата!..

– Чо за мужик этот вождь? Почему не знаю? – подала голос Жанна и, громко икнув, продолжила развивать свою мысль: – А этому по репе или как ее – в дыню...

– Так ты на Володю, на Ульянова! – начал заводить себя седой Лунь. – Да за такое мало к стенке поставить!..

Я ожидал чего-то подобного. В данный момент праведный гнев закипал в сердцах поправленных и обездоленных и вот-вот грозил обрушиться на мою голову. Оно и понятно – одно дело подойти к человеку и начать его банально грабить и совершенно другое, когда ты наказываешь святотатца, рискнувшего замахнуться на самое святое. Тут и для совести лазейка и для ментов шикарная отмазка – мол, не просто грабеж, а идеологическая разборка.

– Артиста, что ль, Ульянова? – проявил завидную для бомжа эрудицию Выюн, не уразумевший глубинной сути состоявшейся перепалки.

Премудрый Лунь тут же объяснил незадачливому знатоку отечественного кино его ошибку, и теперь вся троица крутых мужиков в один голос начала возмущаться поведением «оппортуниста», «экзистенциалиста», «эскаписта» (откуда только слов таких понабрались?) и прочая, прочая, прочая. Лишь не протрезвевшая окончательно Дырка сидела и хлопала своими красными моргалками и тупо внимала непонятным речам собутыльников, устроивших мне столь сокрушительную обструкцию.

Что касается меня, слушать горячечный бред нетрезвых философов я не собирался, оттолкнув стоящего на моем пути Выюна, я двинул своей дорогой. Однако к этому моменту мои идеологические противники дошли до той стадии политической активности, когда от слов переходят к делу. Видя, что добыча ускользает прямо из-под носа, банда, не сговариваясь, рванула в мою сторону, намереваясь сбить с ног, а затем основательно потешиться над инвалидом. Но не тут-то было. Зря, что ли в свое время меня натаскивали убивать лучшие в Союзе мастера своего дела?

Первым пострадал всех опередивший вертлявый Выюн. Получив ортопедическим ботинком крепкий удар в паховую область, юноша резко остановился, как будто врезался в прозрачную стенку, затем медленно стек в дорожную грязь. Вторым потерпевшим оказался седой Лунь – этого я припечатал своей могучей десницей (той самой, что плющит алюминиевые банки и медные радиаторы холодильных агрегатов в лист). Калечить мужика не стал – всего лишь заехал ему под дых, ну, может быть, сломал ребро или два. Короче, этот также повалился рядышком с приятелем Выюном. Хитроумный Эбистос оказался удачливее своих нерадивых корешей. Видя, что случилось с собутыльниками, он тут же посчитал милитаристические устремления их троицы абсолютной утопией и, не добежав до меня буквально двух шагов, резко остановился, затем помчался вприпрыжку прочь с поля боя, позорно оставив пострадавших валяться в дорожной грязи, а нетрезвую маркитантку в качестве ценного трофея победителю.

– Эй, мужик, – подал голос со своего места «трофей», – а ты ничо. Токо вот малость страшноват на рожу. А мне-то чо? Да ничо. Лихо ты этих пидоров отделал. Ты это... я б тебе дала б без разговоров. Ты токо попроси, и Жанна тут же раздвинет...

– Погодь-ка, – я с нескрываемым любопытством воззрился на перемётчицу, – вроде бы только что ты была для них боевой подругой, полковой женой. Отчего же так резко поменяла свое мнение?

– Пидоры, они и есть пидоры! – Дырка едва не разрыдалась от горя. – Вчерась квасили вчетвером. Ханки осталось море. Договорились оставить наутро на опохмел. А они суки, знаешь, чо сотворили? Знаешь?!

– Ну и чего же? – с искренним интересом спросил я, хотя ответ и так лежал на поверхности.

– Дождались падлы, когда я отрублюсь, и выжрали все до капли! А наутро сказали, чо это... Бобик вылакал. Короче, Медведь, или как там тебя, коли хошь бабу горячую ненасытную и безотказную, бери меня к себе в берлогу. Ты мужик чо надо. А хошь на моей хате заживем? Выгоню этих засранцев, ты ко мне-то и перебирайся. Любить буду крепше своо первого, ну там пожрать сготовить и все такое.

– Премного благодарны, – ошалело пробормотал я, сраженный наповал яростным напором новоявленной невесты, – я чутка подумаю.

– Токо думай побыстрее, – Дырка кокетливо стрельнула в меня своими опухшими глазенками, – я девушка нарасхват. Если чо, так меня у автовокзала завсегда отыскать несложно.

– Ты, это, Жан, – я указал рукой на парочку стонущих от боли бомжей, – короче помоги им, может, кому врач понадобится. – Я собирался, было, продолжить движение в сторону пруда, но, не сделав и десятка шагов, вернулся обратно, залез рукой во внутренний карман своей куртки, извлек оттуда три мятых десятирублевки и протянул их женщине со словами: – На, держи, здесь аккурат на пузырь самогона, сама подлечишься и этих не забудь опохмелить, иначе сдохнут – быть тогда на моей совести еще одному смертному греху.

– А чо убил чай кого? – Не иначе как благодаря хваленой женской интуиции, сообразила Жанна.

– Много кого. Всех и не упомнишь, а с большинством из них даже знаком не был. Ну бывай, невестушка! – Я широко улыбнулся ошарашенной пьянчужке, поправил рюкзачок на плечах и, не оборачиваясь, похромал прочь от места состоявшегося побоища.

При этом опухшая физиономия Жанны Дырк приобрела необычайно задумчивое выражение. По всей видимости, дама решала одну насущную проблему: не погорячилась ли она, предложив свое горячее тело и трепетное сердце первому встречному, оказавшемуся на поверку матерым душегубом...

Перед тем, как направиться к пункту приема стеклотары, забежал к Гарибу. Это был пожилой, но еще довольно крепкий грек со звучной фамилией Аристопулос, настоящее его имя было Никифор. Гариб – банальное погоняло, полученное им в незапамятные времена его бурной молодости. Пару раз мы с ним крепко бухали, и пожилой коммерсант порассказал мне многое из своей биографии, а заодно продемонстрировал впечатляющий собор на своей спине и прочие неоспоримые доказательства множества ходок в места не столь отдаленные.

– Никак Шатун пожаловал! – Радостно улыбнулся Гариб, откладывая в сторону газету и стаскивая очки в массивной оправе со своего впечатляющих размеров греческого рубильника. – Проходи, дорогой! Думал ты сегодня уже не явишься. Ну присаживайся. Рассказывай, как житье-бытье бродяжье?

Подобные вопросы старина Аристопулос задавал мне каждый раз, когда я заявлялся в его гараж под неброской вывеской «Пункт приема цветных металлов и макулатур». Слово «макулатур» было тщательнейшим образом замазано белой краской, но все равно проступало, подобно маслянистым следам бывлых протечек на кухонном потолке. Свое дело Гариб начинал

в далекие перестроечные времена, когда еще существовал спрос на макулатуру, затем старые газеты и книги перестали приниматься перерабатывающими комбинатами, ввиду закрытия оных. Впрочем, в последние годы потребность в бумажных отходах вновь выросла, но хитроумный грек, посчитал, что складских площадей под это у него недостаточно – куда проще иметь дело с компактным и дорогостоящим металлом, не занимающим много места.

– Да вроде бы ничего, – ответил я, пожимая заскорузлую лапу привставшего из-за стола приемщика. – Посмотри, Гариб, какой сегодня денек чудесный. Кажись, пережили еще одну зиму.

На что низкорослый грек задумчиво почесал изрядных размеров лысину на своей седой голове и, взглянув на синеющий в дверном проеме кусочек весеннего неба, вынужден был признать мою правоту, хотя и не без оговорок:

– Сегодня денек на загляденье, но непогоды еще возвратятся – на то он и апрель. Но, в общем-то, согласен: студеную пору пережили, теперь полегче будет. Ну что там у тебя?..

Мой улов оприходовали за пару минут. Для начала рассортировали и взвесили. Потом Гариб, высыпал сплюснутые банки в один из множества стоящих вдоль стен ящиков, радиатор холодильника и отоженные от изоляции мотки медного кабеля – в другой, поломанный бронзовый подсвечник вместе с деталями люстры – в третий и так далее. Старый грек органически не переносил какого-либо беспорядка и для каждого вида цветного лома держал отдельную тару. После чего уселся за стол на выдавшее виды офисное кресло на колесиках и старательно занес результаты взвешивания в потрепанный гротеск. Без спешки извлек из кармана штанов кошелек и отсчитал полагающуюся мне сумму.

– Вот держи, Шатун. Приятно с тобой иметь дело. Другие так и норовят в банки болтов да гаек напихать, а то и вообще камней разных, – улыбнулся приемщик и неожиданно вдруг поменял тему: – Ты сегодня обедал? Мне тут Анастасия понапихала всяко-разного, так что присаживайся, не стесняйся – все равно одному мне все это не осилить. У меня и бутылочка рецины имеется – родичи с далекой родины присылают регулярно.

С этими словами он подкатил прямо в кресле к холодильнику, стоящему неподалеку у стены, и, достав оттуда трехлитровую «амфору», оплетенную ивовыми прутьями, и пестрый пластиковый пакет с едой, вернулся к столу.

– Спасибо, Гариб! – я сердечно поблагодарил щедрого старика и без жеманства и политесов уселся на колченогий деревянный табурет, стоявший рядом с его бюро и опирающийся одной ножкой на лежащий на полу кирпич. – Не откажусь.

– В таком случае, разливай амброзию, а я тем временем продукты пошинкую...

Обед прошел в теплой дружеской обстановке. Белое вино с привкусом сосновой смолы сначала шибануло по мозгам, а потом заструилось по жилам теплым согревающим потоком. Впрочем, очень скоро хмель улетучился из головы, оставив после себя ощущение легкой эйфории. Закусывали салом, домашней копченой колбасой, готовить которую старая Анастасия, законная супруга Аристопулоса, была великая мастерица. Вместо ржаного хлеба, который Гариб отчего-то на дух не переваривал, были пироги с грибами, капустой и картошкой.

– Ты вот чего, Андрей Николаевич, – наполняя в очередной раз вином граненые стаканы, обратился ко мне хозяин, – не шути с Махтумом. Ну чего тебе стоит пару тыщ в месяц оттопырить чурке? Зато для здоровья ой как полезно. Если денег нет, так я ссужу – отдашь, когда сможешь...

– Не, Никифор, – я замотал головой, – деньги у меня как раз-таки имеются, но они мне и самому нужны. К тому же, принцип – не для того я полтора года с автоматом... Короче, не видать басурманам моих кровных, заработанных непосильным трудом! К тому же я их сюда не приглашал – это моя земля, и я на этой земле хозяин.

– Закон кармы, – не зло усмехнулся начитанный Гариб и пояснил: – Вчера ты к ним без спроса заявился, сегодня они в твой дом вломились. Как там, у Володи Высоцкого: вошли без

стука, почти без звука. И как бы мы не артачились, этим парням удастся сделать втихую то, чего не смог сделать когда-то ты со своим грозным автоматом. Сегодня они контролируют бомжей и прочих попрошайек города, завтра их выберут депутатами, а послезавтра вместо христианского храма построят синагогу...

– Мечеть, Никифор, – поправил я не на шутку расфилософствовавшегося приемщика.

– Какая хрен разница, – махнул рукой захмелевший грек, – суть в том, что православному христианину в скором времени придется на Луне спасаться. А впрочем, и там не получится – на нее китайцы глаз положили, а козь косоглазые чего-то задумали, выполняют в обязательном порядке. Короче говоря, Андрюша, скоро на Матушке-Земле останутся одни таджики и китайцы, а мы, как предки мои – древние греки, в своей же стране будем в примачах ходить...

Беспредметный в общем-то разговор грозил затянуться надолго. Хорошо, конечно, сидеть вот так в теплой компании в жарко натоленном помещении и за стаканчиком сухого вина, обсуждать проблемы вселенского масштаба. Однако при мне еще туго набитый рюкзак со стеклотарой, а непредсказуемая, как тропический тайфун, Мармелада Иеронимовна Шнобс способна в любой момент захлопнуть ставни своей лавочки, чтобы начать бухать в компании своих же грузчиков или вовсе упорхнуть на очередное любовное свидание. Придется в этом случае тащить хрупкую стеклотару через весь город в свою берлогу.

– Ты извини, Никифор, – прервал я глубокомысленные рассуждения пожилого грека, – мне пора. Сам знаешь, Мармеладе с работы слинять, как два пальца об асфальт, а у меня тары несданной сотни на две.

– Ну, как знаешь, – с большой неохотой отпустил меня Гариб и, осенив меня на старообразческий манер двоеперстным крестным знаменем, посоветовал: – Ты все-таки постарайся поладить с Махтумом – пара штук по любому не стоят потерянного здоровья.

– Да клал я на них с вот таким прицепом! – возмущенно воскликнул я и посредством весьма неприличного жеста показал, какого размера должен быть этот самый прицеп.

Затем тепло попрощался с гостеприимным хозяином и вышел на свежий воздух. Достал из кармана початую пачку «Беломора», ловко вытолкнул оттуда папиросу и основательно продув ее, чтобы потом не пришлось отплевываться от крошек табака, прикурил от газовой зажигалки китайского производства. Глубоко затянулся необычайно вкусным после плотной еды и выпивки дымком, поправил рюкзачок за спиной и довольно бодро захромал в направлении ворот гаражного кооператива...

Вопреки моим опасениям, Мармелада Шнобс восседала, глядя задумчивыми коровьими глазами на подкативший за стеклотарой грузовик, а также на суетящихся вокруг него с десяток безденежных алкашей. Эти парни вечно кочевали между близлежащей точкой розлива пива и заведением уважаемой мадам Шнобс и всегда были готовы за пару-тройку червонцев доставить (перетащить, перекатить, перекантовать) что угодно и куда угодно. В настоящий момент именно этим они и были заняты. Прибывшие пустые ящики, стояли на земле, терпеливо дожидаясь, когда кузов автомобиля будет забит под завязку их собратьями, наполненными пивными водочными и прочими бутылками, чтобы в самом скором времени самим влиться в бесконечный круговорот стеклотары в природе.

Со стороны богиня бутылочного стекла и повелительница полчищ охочих до выпивки маргиналов напоминала сказочную царевну, проводившую в поход своего горячо любимого супруга, или принцессу, томящуюся в ожидании ускользнувшего за молодильными яблоками для больного папашки суженого. Для вящей убедительности ей не хватало расшитого жемчугом кокошника, яркого ситцевого сарафана и толстенной-претолстенной девичьей косы, ниспадающей по необъятной груди к столь же необъятной талии.

Многие, а особенно верные вассалы, находили тридцатипятилетнюю хозяйку приемного пункта дамой, весьма обворожительной. Я же так не считал. На мой взгляд, она была излишне непосредственна, пожалуй, даже мужиковата, к тому же почти на полголовы меня выше и раза

в два тяжелее. Хотя при моей уродливой внешности и основательной ущербности, внимание столь почитаемой окружающими особы мне не светило, поэтому посчитаю ниже своего достоинства уподобляться той самой эзоповой лисе и не стану хаять находящийся вне моей досягаемости «виноград» в лице уважаемой Мармелады Иеронимовны.

– Эй ты, плешивый! – неожиданно заблажила громким хорошо поставленным командирским голосом хозяйка. – Куда летишь как очумелый?! Посуду поколотишь, я тебе тогда ящик вот этими самыми руками на твою лысую башку надену и в свободный полет в заоблачные выси отправлю под зад коленом!

Угроза подействовала моментально – ужасно перепуганный реальной перспективой потерять кредит доверия у столь уважаемой дамы, мужичок сбавил темп, принаравливаясь к остальным участникам погрузочного процесса.

– Вот так-то будет лучше, – одобрительно пробасила Мармелада, – успеешь еще нутро свое бездонное наполнить под завязку, а у меня, чтоб порядок был и минимальный процент боя на ящико-километр. – При этом «процент» и «километр» она произносила с ярко выраженным ударением на «о».

Не обращая внимания на пошатывающиеся грузчиков, я приблизился к окошку и с максимально заискивающим выражением уставился своим единственным глазом на властительницу дум и повелительницу грез местной нетрезвой братии.

– А... Шатун, собственной персоной! – заметив меня, преувеличенно ласково воскликнула богиня и, обращаясь к спующим туда-сюда алкашам, продолжила: – Вот он, посмотрите на него – настоящий мужик. Не пьет, как некоторые аж до посинения в лицах, работающий, заботный... – Выдержав драматическую паузу, с показушной горечью в голосе закончила: – Если б хоть чуть-чуть не так страхолюден на морду был, я б за ним на край света пошла. А что, мужики? Бля буду, пошла б, несмотря на то, что одноног и однорук. – Затем от сострадательных реляций тут же перешла к делу: – Ну, бедолага, вываливай, что припер, на прилавок!..

Получив на руки заработанные кровные, я направился прочь от пункта сдачи и приема стеклотары. Однако успел отойти едва ли на сотню метров, как нарвался на вторую за сегодняшний день и как оказалось самую неприятную засаду. В тот момент, когда я собирался пересечь проезжую часть улицы, перед моим носом с неприятным визгом остановилась довольно обшарпанная «копейка» салатного цвета. Вообще-то я уже догадывался, кому принадлежит сие транспортное средство. Выражаясь точнее, не догадывался – знал наверняка, ибо подобных раритетов на весь Нелюбинск – раз-два и обчелся. К тому же, через замызганные стекла на меня с издевкой пялились четыре смуглых рожи, также хорошо мне знакомые.

«Вот же зараза этот Гариб! – подумал я, с ненавистью глядя на вылезавших из «Жигулей» Махтума и его телохранителей, – накаркал на мою голову старый хрыч!»

– Вах, вах, вах! – предводитель банды, высокий и весьма упитанный мужчина лет тридцати пяти, поднял вверх руки, точно собирался от всей души облапить меня своими могучими ручищами, затем заговорил с заметным азиатским акцентом: – Какой пириятний стреча! Сам Шатюн! Почему пшком, бират? Садысь, пирокадим с витирком, бират?!

С этими словами он подмигнул своим нукерам, и меня начали, как бы ненароком, обступать со всех сторон. С какой целью все это делалось, было понятно и без дополнительных объяснений. Поскольку «переговоры» с упрямым неплательщиком дани, коей выходцы из бывших республик Средней Азии обложили самую незащищенную часть населения Нелюбинска: бродяг, побирушек и промышленяющих сбором бутылок и пивных банок пенсионеров, могли иметь самые непредсказуемые последствия, меня решили удалить с многолюдной улицы и перевезти в уединенное местечко. Что случится дальше, ясно и без особого напряжения мозговых извилин. Меня постараются всяческими способами убедить в легитимности притязаний Махтума и его банды. А может быть, острый кинжал под ребро, камень на шею и в Оку или прикопают в близлежащем лесочке. По злым взглядам Махтума и его подельников, я понял, что второй

вариант для них самый предпочтительный, поскольку до сих пор наши встречи заканчивались в мою пользу. Вообще-то у самого главаря повода обижаться на несчастного калеку вроде бы не должно быть, чего не скажешь кое о ком из его ближайшего окружения. Вот этот немного дикий юноша в тубетейке, то ли Султан, то ли Салтан, пару дней назад наши пути-дороженьки пересеклись, о чем свидетельствует приличных размеров бланш под его глазом. Недовольный стервец – дуется. А за что дуться-то? Разве сам не врезал бы любому, кто попытается поднять руку загребушую на его кровные сбережения? Или вон тот с густыми сросшимися над переносицей бровями, Хамид, кажется, – также обижается, хотя никаких гематом и ссадин на его симпатичной мордашке я не оставил – так повалил немножечко в грязном сугробе, попинал ногами, чтобы к солидным людям не приставал со всякими глупыми предложениями типа: «Дэнги давай!» – тоже мне альпийское нищенство, раскуды их в каюк.

Вообще-то, насколько мне было известно, эти парни приехали в Россию на заработки и поначалу честно горбатились каменщиками, малярами, штукатурами или попросту разнорабочими. Однако быстро сообразили, что самоотверженный труд на благо доброго дядюшки-нанимателя не только не обогащает, но, вопреки расхожим тезисам, ничуть не облагораживает и не делает свободным. Ребятам несказанно повезло – замом начальника местного УВД непонятно каким чудесным образом стал подполковник Исмаилов. Не случись такового, им, по всей видимости, до конца своей жизни пришлось бы честно трудиться на различных стройплощадках необъятной России. Так или иначе, бывший житель благодатного Андижана Асланбек Исмаилов, покинув беспокойный Узбекистан, сумел удачно пристроиться на весьма доходную (если подойти к этому вопросу с умом) должность. А вскоре на местном криминальном горизонте замаячил Махтум – то ли родственник подполковника, то ли хороший знакомый.

Азиаты благоразумно до поры до времени не совали нос в традиционные сферы бандитских интересов. Они сделали то, что не могло прийти в голову самому отъявленному криминальному таланту из местных – обложили данью всех нищих города Нелюбинска. Это на первый взгляд может показаться, что в двухсоттысячном областном городишке, довольно благополучном из-за своей близости к богатой столице, не наберется и сотни маргиналов. Бред и полная чушь. Всякого рода алкашей, лиц без определенного места жительства, пенсионеров, еле-еле сводящих концы с концами, малолетних беспризорников здесь предостаточно, чтобы развернуться знающему человеку.

Под прикрытием вышеозначенного подполковника банда Махтума очень быстро взяла под контроль нишу, которую ранее никому и в голову не приходило контролировать – все-таки не Москва, где попрошайничество является весьма прибыльным делом. Теперь, вне зависимости от пола, социального статуса и прочих объективных и субъективных факторов, каждый собиратель бутылок и алюминиевых банок или привокзальный попрошайка был обязан ежемесячно выплачивать Махтуму по две тысячи рублей. Тех, кто не желал или попросту не мог заплатить, азиаты-прагматики жестоко избивали, чаще всего прямо на глазах у своих подопечных – чтоб другим неповадно было. Поговаривают, особо упертых даже убивали. Свидетелей убийств, конечно же, не было, но с некоторых пор, исчезновение всякого бомжа расценивалось как месть бандитов Махтума.

Меня, как я уже упоминал, также неоднократно пытались наставить на путь истинный, но до сих пор крепко в оборот не брали – пару-тройку раз присылали парламентаров, однажды даже предложили влиться в их сплоченные ряды. Но я с негодованием отверг все наглые притязания, как на мои деньги, так и на мою личную свободу. К особо рьяным или непонятливым переговорщикам приходилось применять специальные методы педагогического воздействия. С предводителем банды до сих пор лично знаком не был, хотя и видел его несколько раз издали. По большому счету я понимал, что эти парни в покое меня не оставят, поскольку вопиющее неподчинение какого-то ущербного калеки серьезно дискредитирует их банду в глазах «общественности» и вызывает брожение определенного рода в умах вынужденных данников.

Поэтому с наступлением настоящего тепла я собирался скрепя сердце покинуть этот чудный городишко, ставший для меня за прошедшие полтора десятилетия практически родным. Подумывал перебраться в Москву – там для предприимчивого и непьющего, по большому счету, человека, прошедшего к тому же суровую школу выживания, непременно отыщется широчайшее поле деятельности.

Впрочем, по мере того, как банда Махтума брала меня в кольцо, перспектива слинять на столичные хлеба становилась для меня все более и более призрачной. Чтобы не допустить полного окружения, я начал постепенно отступать обратно к пункту приема стеклотары. Мои шансы удрать от этих молодцов, по вполне понятным причинам, были невелики, точнее, никакие, я рассчитывал прижаться спиной к какому-нибудь строению или забору и отбиваться всеми доступными средствами. Вряд ли они станут прилюдно убивать калеку, но могут потихоньку оглушить со всеми вытекающими последствиями, тем более что в руках Султана или Салтана, злющего, как нелюбимая ханум какого-нибудь падишаха, я заметил обмотанную каким-то тряпьем бейсбольную битку. Парнишка явно намеревался взять реванш за разбитый в кровь нос и основательно выпачканную в дорожной грязи одежку. Хамид также пытается максимально сократить дистанцию – реабилитируется перед своим бакши² за позорно проваленное задание.

– Э, Шатюн, куда убигаишь?! – продолжал уламывать меня Махтум. – Айда к мне в гости, брат! Плов-млов, водку випем, поболтаем туда-сюда...

Тем временем моя спина уперлась в дощатую твердь забора, огораживающего владения Мармелады Шнобс. Далее отступать было некуда, да я и не собирался этого делать. Сыны солнечных просторов Средней Азии, хоть и были настроены весьма решительно, но до меня этим сосункам было, как до звезд. Вот сейчас они считают, что крепко взяли Шатуна в оборот, прижав к стеночке. На самом деле, мне было бы значительно дискомфортнее, если бы меня окружили со всех сторон. Однако пора начинать действовать, пока их военачальник соловьем заливается, пытаюсь прельстить меня своими национальными лакомствами и халявной выпивкой.

Я не стал вступать в дискуссию полемического свойства по поводу достоинств и недостатков среднеазиатской кухни. Едва моя спина почувствовала придающую уверенность твердость деревянных досок, я приступил к активным действиям. Несмотря на отсутствие былой спортивной формы (чай мне не двадцать пять, а далеко за сорок), мой резкий хук в челюсть мгновенно вырубил самоуверенного атамана. Его нукеры, не ожидавшие от инвалида такой борзости и прыти, замерли в недоумении. Следующий удар ортопедическим копытом в коленную чашечку заработал Хамид и тут же наварлся лицом на второй мой протез – теперь уже руки. Характерный хруст возвестил о том, что кое у кого в данный момент серьезно пострадала хрящевая часть носовой перегородки. Ничего, этот парень всё одно не отличался выдающимся рубильником, так что от него не особенно-то и убыло.

Однако на этом моя удача закончилась. Пока я занимался Хамидом, другому обиженному мной узкоглазому парню, к тому же вооруженному увесистой битой, удалось подкрасться незаметно сбоку. Как результат на мою многострадальную голову обрушился удар такой силы, что из глаз (здорового и, как ни странно, потерянного мной двадцать лет назад) брызнули мощные снопы искр. Затем в глазах потемнело, но, вопреки своим самым худшим опасениям, я не впал в бессознательное состояние. Произошло нечто странное, не поддающееся никакому логическому объяснению.

После удара по голове, мое восприятие изменилось самым кардинальным образом. Моя духовная сущность вырвалась из брэнной оболочки и зависла на высоте трех метров над полем боя. Но я не потерял связи со своим телом и по-прежнему имел возможность им управлять, хотя со стороны делать это было не очень уж привычно.

² Начальник (*торж.*).

Подлый удар азиата хоть и сбил меня с ног, повалился я не на живот, а на спину, отчего имел реальную возможность отмахиваться от нападающих руками и ногами. Желая окончательно разделаться со мной, Султан или Салтан (плевать на него) вознес высоко над собой биту, вознамерившись опустить ее на мою голову. Однако в этот момент он полностью раскрылся. Моему сознанию достаточно было дать соответствующие указания распростертому на грязном асфальте телу, после чего моя здоровая нога буквально на автомате врезалась со страшной силой бедолаге в пах. В следующий момент улицу огласил душераздирающий вопль пострадавшего. Думаю, не стоит объяснять, что намерение добить лежащего мгновенно улетучилось из юной головы начинающего бандита, а сама бита выпала из его ослабевших рук и, отлетев к обочине тротуара, утонула в грязной весенней луже. Как следствие между ног потерпевшего появилось дурно пахнущее мочой пятно, которое он тут же поспешил прикрыть ладонями, плюхаясь пятой точкой на склизкий от грязи тротуар. При этом он громко вопил на своем родном диалекте. Насколько позволял мой словарный запас, я скумекал, что он стонет о каких-то детях, кои теперь никогда не появятся на свет, благодаря одному гяуру (это он, кажется, в мой огород камень запустил). А я-то что? Меня не замай – будешь и при детях и на здоровье не станешь обижаться.

– Закрой пасть, вахш маймун³! – прохрипел я, несказанно дивясь при этом своей новой способности управлять телом дистанционно.

Тем временем последний оставшийся на ногах участник битвы, обеспокоенный усиливающимся вниманием проходящих мимо зевак, решил благоразумно отложить разборки на другое время. Подхватив начавшего приходить в сознание Махтума, он сноровисто затолкал его в салон «копейки». С двумя остальными своими подельниками он обошелся менее деликатно, шипя что-то неразборчивое, пинками «воскресил» Хамида и, обложив пострадавшего Султана отборнейшим русским матом, велел обоим «мухой лететь к машине». На меня он лишь недобро зыркнул своим темным глазом, но от каких-либо устных оскорблений воздержался...

После того как изрядно подержанное транспортное средство скрылось за ближайшим поворотом, мое не на шутку разошедшееся сознание наконец-то соизволило вернуться на положенное ему место – то есть обратно в свою брентную оболочку. Едва лишь это случилось, все передо мной поплыло, и я провалился в мрачную, как самая глубокая могила, кромешную темноту беспомыслия.

³ Бешеная обезьяна (турк.).

Глава 2

– Апчхи!.. Апчхи!.. Апчхи!!! – Резкая нашатырная вонь, будто птичье перышко, вызвала невыносимый свербёж в носу. Я чихнул несколько раз громко от души и открыл глаза, точнее свой единственный глаз.

– Жив бродяга! – Тут же услышал над собой раскатистое контральто Мармелады Шнобс. Затем узрел и самоё ее, а также поднесенный к моему носу приличных размеров ватный тампон.

Поскольку после моего воскрешения никто не собирался удалить злополучную вату от моего носа, пришлось подать протест в соответствующие инстанции:

– Да выбрось куда-нибудь подальше эту вату, Мармелада, иначе я тут окочурюсь от невыносимой вони!

В сей же момент мое настоятельное требование было выполнено – ватный тампон выпал из поля моего зрения, а легкие получили возможность наслаждаться воздухом без примеси аммиачных паров. Справедливости ради, стоит отметить, что витающих в атмосфере запахов (в основном винных и пивных) здесь было предостаточно, из чего я сделал вывод, что нахожусь где-то непосредственно во владениях мадам Шнобс. И действительно, приглядевшись, обнаружил себя лежащим на замызганном полу складского помещения, среди пластиковых ящиков, предназначенных для хранения и транспортировки стеклотары. Сама хозяйка сидела рядышком на раскладном походном стульчике и по-доброму взидала на меня своими коровьими глазами. С пяток ее верных сатрапов переминались с ноги на ногу у складских ворот. Как я понял, это именно они транспортировали сюда мое обездвиженное коварным ударом тело и теперь томились в ожидании заслуженной награды, наверняка им обещанной сердобольной женщиной.

– Вконец обнаглели чебуреки, – сочувственно покачав головой, проворчала Мармелада Иеронимовна, – средь бела дня начали на людей нападать. А ты молодец, Шатун, лихо ты их отделал, а по виду и не скажешь...

Уж это точно, в сравнении с двухметровой великаншей, обладающей к тому же необъятной талией, грандиозным бюстом и соответствующей «кормой» мои сто восемьдесят пять сантиметров при патологической худобе выглядели более чем скромно. Впечатляющие габариты здешней хозяйки не раз помогали ей пресекать разного рода попытки рейдерского захвата ее процветающего бизнеса.

– ...ко мне тут также намеренно подкатывали, – продолжала Мармелада, – денег просили.

– Ну и как? – чисто из вежливости поинтересовался я, поскольку ответ лежал на поверхности.

– Да никак, спустила с крыльца всю троицу, а вечером сгоняла к Исмаилке, кое-что ему напомнила. С тех пор не беспокоят. – Затем с жалостью посмотрела на меня и тяжело вздохнула. – Не жалец ты, Шатун. Порешат тебя чебуреки, помяни мое слово, подкараулят в темном месте и зарежут, как свинью, или придушат аккуратно – уж больно ты своим свободолобием смущаешь окрестную голытьбу. Мой тебе совет: хочешь жить, сейчас же рви когти на вокзал, пока Махтум не очухался и вали куда подальше из Нелюбинска. – Затем Мармелада извлекла из кармана своей душегрейки основательно потрепанный кошелек, достала оттуда пять тысячерублевых бумажек и протянула их мне со словами: – На, держи. Здесь на билет и какое-то время перекантоваться, а там и сам начнешь зарабатывать, ты мужик головастый – нигде не пропадешь.

Признаться, я был попросту ошарашен невиданным актом щедрости со стороны жадной до денег Мармелады. Сколько раз эта дама пыталась меня объегорить, выискивая зорким оком несуществующие дефекты стеклотары, чтобы оформить ее не первым, а вторым или даже тре-

тым сортом, в соответствии с разработанным ею же самой преysкурантом. А теперь, нате вам – не было ни гроша, да вдруг алтын.

– Вообще-то я не жадная, – угадав мои мысли, продолжала мадам Шнобс, – но если не беречь копейчку, так и рубля не будет. А это – от щедрот моих. Бери, не стесняйся. Может, когда помянешь добрым словом одинокую женщину, а случится, и добром отплатишь.

– Спасибо, Мармелада Иеронимовна! – я от всего сердца поблагодарил хозяйку, но от денег категорически отказался – я хоть и бомж, но не нищий и пользоваться чужой жалостью не привык.

– Значит, гордые мы, – запихивая деньги обратно в свой кошелек, усмехнулась моя благодетельница. – Как сам-то?

– Да вроде бы ничего, – ответил я.

Действительно, состояние мое было более или менее – лишь неприятно ныла шишка, вспухшая на темечке, но череп не пострадал – по всей видимости, удар битой прошелся вскользь. Здоровой рукой потрогал шишку и почувствовал такую невыносимую боль, что, не стесняясь присутствия дамы, крепко выругался по матери. Мармеладу, впрочем, это ничуть не смутило – ибо каждый день ей приходится выслушивать и не такое от своих неугомонных вассалов, да и сама она была большой мастерицей обложить трех-четыреx этажным матом всякого неугодного или провинившегося.

Дождавшись пока боль немного поутихнет, я осторожно нахлобучил на голову фуражку от «афганки»⁴ и потихоньку поднялся на ноги. Но едва лишь мне удалось выпрямиться в полный рост, из-за оттока ли крови или по какой иной причине шишка вновь напомнила о своем существовании.

– Может, граммилку тяпнешь? – предложила хозяйка. – Глядишь, оно и полегчает.

С этими словами она кивнула одному из томившихся в сторонке маргиналов. Того тут же куда-то унесло, а через полминуты в могучей руке женщины появился непочатый пузырь «столичной», а я стал обладателем основательно замызганного стакана.

– Для начала продезинфицируем тару, – Мармелада отобрала у меня стакан и собиралась основательно промыть его водкой, но, осмотрев повнимательнее и приняв к нему, брезгливо поморщилась и поставила на пол со словами: – Не, Шатун, тут триппера на весь Нелюбинск. Ты лучше из горла. Закусывать будешь?

Я отрицательно замотал головой, заработав при этом еще один приступ невыносимой боли. Зажав бутылку подмышкой, открутил пробку и жадно прильнул губами к ледяному горлышку. В два глотка ополовинил полулитровую емкость, лишь после этого почувствовал обжигающий вкус напитка. Оторвавшись от пузыря, блаженно прищурился, анализируя внутренние изменения в организме. Сначала алкоголь согрел желудок, затем вместе с кровью начал распространяться по всему телу. Минуту спустя легкий приятный дурман розовой дымкой окутал сознание. С завистью наблюдавшие за моими возлияниями и едва не захлебывающиеся собственной слюной алкаши показались мне не такими отталкивающими, как обычно. Что касается Мармелады, так та вообще предстала в образе красавицы валькирии – глаз не отвести. Шишка на голове хоть и саднила, но без прежней едва ли не фатальной осатанелости.

Впрочем, состояние эйфории, как это обычно со мной бывает, продолжалось не более пяти минут (если, конечно, не поддерживать его новыми порциями выпивки). Дождавшись, когда розовая пелена спадет с глаз, я вернул недопитый пузырь хозяйке со словами благодарности.

– Еще будешь? – участливо спросила Мармелада.

– Не. Хватит, – я отрицательно помотал головой.

⁴ Полевая форма Советской Армии специально разработана в начале 1980-х для использования в сложных климатических условиях Афганистана, существует в зимнем и летнем варианте.

– Ну, как знаешь. – Дама ловким движением закрутила в воронку остатки водки и, запрокинув голову, лихо оприходовала «огненную воду», к вящей досаде затаивших дух алкашей. После чего гулко выдохнула и, обведя осоловевшим взглядом присутствующих на складе, выдала свою любимую присказку: – Крепка зараза, но русский человек все равно крепше...

Сердечно распрощавшись с добросердечной мадам Шнобс и ее приспешниками, я заторопился прочь бодрой прихрамывающей походкой. Какое-то время слышал за спиной ее могучее контральто, отдающее распоряжения своим вассалам. Зная неумный характер дамы, несложно было догадаться, какого рода были эти распоряжения. Вкусив толику водки, Мармелада Иеронимовна ни за что не успокоится, пока не учинит массовую попойку, в полном соответствии с широтой своей русской натуры. Кое-кто может возразить, мол, какая же она русская? Успокойтесь, уважаемый скептик, и поверьте на слово, что даже в самом глухом российском захолустье, не затронутом нашествиями многочисленных иноземных завоевателей и набегами несметных полчищ гастарбайтеров, вы не сыщете человека, обладающего более русской душой, нежели уважаемая Мармелада Шнобс...

До своей берлоги я добрался без приключений. По большому счету слово «берлога» в данном случае следовало бы употреблять без кавычек, поскольку прибежище одинокого бомжа располагалось в самой настоящей пещере, которая с большой степенью вероятности в незапамятные времена могла служить обиталищем какому-нибудь бурому мишке или медведице с многочисленным потомством.

Дело в том, что город Нелюбинск своим происхождением обязан богатым залежам известняка. Еще во времена московских князей здесь повсюду добывали этот незаменимый в строительстве минерал. Местный камень ценился выше подмосковного: тучковского, домодовского или мячковского из-за своей исключительной белизны и податливости резцу камнереза. Он шел в основном на облицовку и внутреннюю отделку стен. Камень ломали, грузили на баржи, а потом везли либо вверх по Оке, а затем по Москве-реке в столицу и Подмоскovie, либо к Нижнему Новгороду, а там по всем приволжским городам. В результате активных разработок здесь появилась развитая сеть подземных пещер искусственного происхождения. Через какое-то время известняк был вытеснен более практичным кирпичом. То есть не совсем вытеснен, ибо продолжал использоваться для получения негашеной извести и цемента. Но для этой цели годятся любые местные известняки и доломиты, поэтому спрос на исключительной белизны нелюбинский камень постепенно сошел на нет. Как следствие, добыча прекратилась, каменоломни были заброшены и в наше время представляют интерес лишь для залетных спелеологов да отчаянной местной ребятни.

Стоит отметить, что в народе ходят упорные слухи о многочисленных кладах, упрятанных в Нелюбинских катакомбах разного рода Кудеярами, Стеньками и прочими отечественными Робин Гудами, промышлявшими в разное время в этих местах. Болтают также, что именно здесь во время Гражданской войны схоронил от советской власти золотишко и камушки аж на три тогдашних миллиона местный богатей Иволгин. А по последним данным досужих кумушек, сюда было перевезено и надежно захоронено знаменитое золото партии. Впрочем, всякого рода сплетни вызывали лишь временный порыв народных масс к действию. Тщательно обследовав в очередной раз катакомбы и не найдя в них никаких сокровищ, народишко успокаивался до следующих мировых потрясений и связанных с ними слухами меркантильно толка.

Обо всем вышеизложенном мне стало известно уже после того, как я поселился в Нелюбинских катакомбах, точнее обустроил в качестве жилья небольшой их кусочек. Вообще-то о существовании подземелий я узнал совершенно случайно. Примерно через два месяца по приезде в этот городишко на Оке, я слонялся по местному кладбищу в поисках пивной и винной тары, оставленных не могилах пасхальных пирогов и выпивки. Местные завсегда-тай, как водится, поначалу приняли меня в штыки, но после недолгой беседы согласились,

если не принять меня в свои ряды, то во всяком случае, терпеть мое присутствие. Не заметив как, я оказался в старой заброшенной части городского кладбища. Разжиться, по большому счету, здесь было нечем, поэтому местные бомжи сюда и не заходили, а мне вдруг стало интересно, и я решил прогуляться среди покосившихся крестов и заросших травой надгробных камней. В самой удаленной части кладбища, поросшей непролазными зарослями ольхи и лещины, я совершенно случайно набрел на фамильный склеп какого-то богатого купца. Наверное, само Провидение толкнуло меня сунуть туда нос. Деревянная дверь, обитая металлическими листами, не сразу и со скрипом поддавалась моему натиску. Ничего интересного внутри я не обнаружил, лишь два мраморных постамента да пара табличек с именами тех, чьи останки под ними покоились. В дальней от входа стене я заметил небольшое темное отверстие. Подойдя поближе, увидел изрядно выщербленную кирпичную кладку, из которой вывалился один из кирпичей. За стеной явно было пустое пространство, о чем однозначно свидетельствовала струя свежего воздуха, проникавшая в склеп из пролома. Несколько ударов ногой, и хлипкая стена не выдержала и обвалилась кучами щебня и облаками пыли. Пришлось выйти на свежий воздух, дожидаться, пока атмосфера внутри помещения очистится.

Войдя в пролом, я поначалу здорово огорчился – никакого намека на спрятанные сокровища, лишь каменный коридор, уходящий куда-то под землю. Поскольку при мне оказался карманный фонарик, я решил основательно обследовать подземелье – а вдруг сокровища все-таки существуют. Пройдя метров сто, я услышал звук текущей воды и вскоре увидел небольшой ручей с чистейшей родниковой водой. Тут же неподалеку обнаружил уходящую куда-то за город сухую штольню с проложенным по ней электрическим кабелем. Поначалу подумал, что он обесточен и медный провод станет для меня отличным трофеем, но, наткнувшись на распределительный щит, очень быстро понял свою ошибку и возблагодарил Господа за то, что тот отвратил своего нерадивого раба от поспешных действий. Короче говоря, кабель оказался под напряжением в двести двадцать вольт. Куда он вел и какое оборудование питал, я до сих пор не удосужился проверить. Словами не описать мое огорчение – стать обладателем настоящего сокровища и тут же его лишиться. О том, чтобы заняться мародерством не могло быть и речи – не хватало вдобавок ко всем моим бедам разборки с законниками.

Ужасно разочарованный и погрузневший, я уже собирался покинуть подземелье, как мою голову посетила весьма светлая мысль. А что? Вода в наличии, электричество – тоже. Почему бы одному бомжу не оборудовать здесь себе уютное гнездышко? Хватит обретаться по подвалам и теплотрассам.

Сказано – сделано. Через полгода я стал обладателем комфортабельной подземной квартиры. Для этого пришлось основательно потратиться на провода, строительные материалы и многое другое, но я ничуть не жалею, поскольку вот уже лет пятнадцать моя голова не задумывается над сакраментальным для каждого бомжа вопросом: «Где я буду спать этой ночью?» Здесь у меня и жилая комната – по совместительству гостиная, и небольшая кухонька с электрической плитой, и туалет с настоящим унитазом и душем. При этом на мебель и разного рода хозяйственные прикрасы я практически не затратил ни копейки – всё, что нужно, находил на свалках и помойках. Диван, пара кресел с кожаной обивкой, журнальный столик, книжный шкаф, электроплита, накопительный водонагреватель, электронасос для воды, стиральная машина – вот лишь небольшой перечень того, от чего в наш век повального расточительства избавляются без всякого сожаления мои нерадивые сограждане. У меня даже имелся старенький ноутбук, а также совсем еще новый DVD плеер и куча разных дисков, но я все-таки предпочитаю читать книги, кои частенько нахожу рядом с мусорными баками или на скамейках у подъездов. Конечно, не все то, от чего избавляются зажавшиеся вконец граждане, можно читать, но время от времени среди макулатурных плевел попадаются настоящие жемчужины.

Чтобы попасть в свое обиталище, мне не пришлось топтать через все кладбище. Поселившись в катакомбах, я первым делом разведал кратчайший маршрут до ближайшей автобусной

остановки. В отличие от пропахших черт-те чем своих коллег, я имел возможность регулярно принимать душ и по мере надобности устраивать постирушки. Посему водители автобусов и маршрутных такси не могли заподозрить во мне бездомного бродягу. К тому же я собираю лишь цветмет и стеклотару и не оскверняю рук своих смердящими пищевыми отходами. На сей раз, однако, мне пришлось добираться пешком. После потасовки с Махтумом и его бандой моя одежка нуждалась в основательной чистке. Чтобы не дискредитировать себя в глазах водителей, я решил прогуляться, подышать свежим воздухом. Впрочем, нет худа без добра – по дороге я заглянул к знакомому лавочнику армянину Араму – выходцу из Нагорного Карабаха. Этот Арам втихую толкал бомзам и пенсионерам просроченные продукты по весьма приемлемым ценам. Как водится, я зашел не с парадного. На стук дверь распахнул сам хозяин.

– Здорово, обезьяноподобный брат мой во Христе! – Армянин был действительно феноменально волосат ниже шеи – я лишь констатировал факт. – Скоропорт на сегодня какой имеется?

– Здоров, Шатун! – Ничуть не обиделся лавочник – гипертрофированная обволоченность считается у этого народа признаком мужественности и сексуальной привлекательности. – Заходи, дорогой...

Через десять минут я покинул магазинчик приятеля, весело помахивая увесистым пакетом с колбасой, мясными консервами, яйцами и черствым хлебом. Ничего, колбаску пошинкую, пережарю с лучком и чесночком, посыплю перцем – объедение. Хлебушек – на водяную баню, и через пять минут получим благоухающий бухан или как есть, черствым обжарю на постном масле, сверху тертым сыром посыплю, чесночком давленным – сказка. От подобных мыслей аж в животе заурчало. Я взглянул на часы – командирские со светящимся циферблатом, в свое время мне за них предлагали кучу афганских бабок, не поддался на уговоры и не зря, до сих пор ходят секунда в секунду, только заводить не забывай – без четверти восемь. Следует поторопиться – дел неуворот: ужин сварганить, постирать одежду, самому хорошенько ополоснуться, ну и для души чего-нибудь сообразить.

«Эх, Шатун, жизнь прекрасна, – не без оптимизма я обратился сам к себе. – А еще очень приятно, когда у тебя есть свой собственный угол. – Однако тут же озабоченно подумал: – Пожалуй, следует обеспечить себя каким-нибудь оружием. Думаю, пяток надфилей будет вполне достаточно. А что?.. если менты обнаружат, можно запросто отпереться, мол, для хозяйственных нужд, а в бою и в глаз метнуть и в печенку засадить – штука отменная. Главное собственными потожировыми инструментами не замарать и «пальчиков» не оставить. Ничего, эти козлы у меня еще попрыгают...»

Подбирался к родному склепу как всегда со всеми возможными предосторожностями – не хватало притащить на хвосте кого-нибудь из коллег по цеху или просто излишне любопытного обывателя, который непременно доложит о подозрительном бомже куда следует. Я хоть и собираюсь покинуть славный город Нелюбинск, но только с наступлением лета, а до этого еще нужно дожить. Распахнув дверь, я заглянул внутрь склепа – все вроде бы чисто. Подойдя к дальней стенке, достал ключ из кармана и отпер металлическую дверь, установленную мной на месте разрушенной кирпичной кладки и основательно заляпанную серой под цвет стен краской, чтобы не бросалась особенно в глаза. Пару таких дверей мне презентовал добрый Арам после расширения и кардинального переустройства своего магазина. Одну я установил в склепе, другой отгородился от тоннеля, по которому был проложен электрический кабель. Таким образом, получилось довольно уютное замкнутое пространство из пяти изолированных друг от друга деревянными дверями комнатук. Закрыв за собой дверь на ключ, я щелкнул выключателем, ярко вспыхнула подвешенная к потолку трехрожковая люстра.

Первым делом скинул с себя грязные шмотки и обувь, освободился от протезов и на костылях направился в душевую комнату. Признаться, я гордился своим домом. Подключившись к распределительному щиту, провел в свои апартаменты электричество – от хозяев не

убудет, а мне приятно. В каждом помещении подвесил к потолку люстры или плафоны, наладил электрическое отопление. С помощью электронасоса, управляемого простейшей автоматикой, качал воду из ручья в емкость, сваренную из нержавеющей стали, откуда вода самотеком поступала в туалет-ванную и на кухню. С утилизацией сточных вод проблем не было – в полу туалетной комнаты имелась глубокая и довольно широкая трещина, уходившая куда-то на нижние уровни катакомб. Она служила мне одновременно и канализацией и мусоропроводом. Унитаз установил аккуратно над ней, чтоб не париться. А чтобы не смердело, да и самому ненароком не провалиться, закрыл щель герметичной крышкой, через которую, собственно, избавлялся от мусора. Короче говоря, всё в моем жилище было весьма функционально и продумано.

Поплескавшись с полчаса под теплыми струями, я оделся в чистое, обулся и направился на кухню, где приготовил сытный ужин из жареной колбасы с отварной картошкой в мундире. Картофель почистил, порезал, сбавил постным маслом, мелко нарезанным луком, посолил и все тщательнейшим образом перемешал. Затем сервировал стол в гостиной. Немного подумав, махнул рукой – а гулять, так гулять, открыл дверцу холодильника и достал оттуда початую поллитровку водки...

Ужин прошел под песни весьма любимых мной Высоцкого, Митяя и Трофима. Затем навел порядок: отнес на кухню и вымыл посуду, отправил объедки в «мусоропровод» и, зарядив стиральную машину своими грязными шмотками, вернулся в гостиную. Кажется, на сегодня все – постиранные вещи завтра вывешу на окончательную просушку, благо есть чем заменить. Расстелил постель на диване, включив у изголовья торшер, потушил верхний свет. После чего подошел к книжной полке и наугад вытащил первое, что подвернулось под руку. Улегшись в кровать, поднес книгу к глазам: «Хроники Амбера» – одна из самых моих любимых книг. Раскрыл наугад и начал читать:

Итак, глаза мои вновь восстановились – так сказали мне и пальцы, когда я ощупал лицо. Потребовалось, правда, более трех лет, но глаза все-таки сумели регенерировать! Это был тот самый единственный из миллиона шансов, о котором я упоминал. Такого не мог предполагать даже Эрик, даже он не в силах был до конца оценить мои способности, поскольку у каждого из членов нашей семьи они проявлялись по-разному и в разных масштабах. Тут я одержал верх. Я догадывался, что могу вырастить нервную ткань, нужно только время.

На франко-прусской войне я был ранен, и в результате у меня оказалась парализованной вся нижняя часть тела. Уже через два года паралич полностью прошел. В данном же случае у меня была надежда – конечно, почти нереальная, – что мне все-таки удастся восстановить выжженные глаза. И я оказался прав! У меня теперь вновь были глаза, и зрение потихоньку возвращалось ко мне, хотя и очень медленно...⁵

Далее я читал с упоением о том, как к Корвину вернулось зрение и как с помощью сумасшедшего Дворкина ему удалось вырваться на свободу из мрачных подземелий Амбера. Я сопереживал главному герою и откровенно завидовал его способности регенерировать утраченные органы. Книга хоть и была мною неоднократно читана и перечитана, каждый раз здорово будоражила воображение и в какой-то степени давала надежду. Умом я прекрасно понимал, что человек – не ящерица, которой ничего не стоит отрастить хвост взамен утерянного, но, несмотря на фатальное ограничение регенеративных способностей человеческого организма, в глубине души не терял надежды. Иногда мне казалось, стоит лишь немного напрячься, каким-то образом настроить сознание, наладить духовную связь с телесной оболочкой, и посредством силы мысли мне удастся включить процессы восстановления своего организма. Может быть, полноценному человеку эти мои мечтания покажутся маниакальным бредом воспаленной фантазии неполноценного индивидуума. Но, как ни странно, где-то в глубине души постоянно существовала необъяснимая уверенность в том, что теперешнее мое ущербное существование

⁵ Роджер Желязны «Девять принцев Амбера» перевод Ирины Тогоевой.

– суть состояние временное, ниспосланное на мою голову за какие-то неведомые мне грехи, а также в том, что в самом скором времени случится нечто такое, что избавит меня навсегда от физических и моральных страданий. Все двадцать прошедших лет я прожил с этим чувством и, несмотря на накатывающую время от времени хандру, продолжал отчаянно надеяться на чудо. Даже периодические обострения фантомных болей в отсутствующих конечностях я был готов воспринимать как признак активизации регенеративных процессов внутри своего организма. Но всякий раз ни ступня, ни кисть почему-то не собирались отрастать, а выжженный глаз упорно отказывался обозревать окружающий мир...

Проснулся я от резкой боли в теменной области. Громко охнув, резко присел и со всеми предосторожностями коснулся шишки. Малость уменьшилась, но все равно дотрагиваться больно. Кажется, во сне случайно задел ее, пожалуй, следует лечь на бок и не крутиться во сне. Легко сказать, да трудно сделать. Снова дотронулся до полученной в результате неравной схватки с духами гематомы и в очередной раз ощутил уже знакомую боль. Болезненно поморщившись, огляделся. Торшер не выключен. Раскрытая книга валяется рядом. На светящемся циферблате электронного будильника половина второго. Выбрался из постели и, сунув здоровую ногу в домашний тапок, оперся на костыли. Для начала посетил кухню, утолил жажду. Потом заглянул в туалет. К своему ложу вернулся в благостном настроении, прихватив из холодильника на случай похмельного «сухаря» – как-никак накануне принял изрядную дозу спиртного – бутылку «жигулевского» и поставил ее на журнальный столик в пределах досягаемости руки.

Выключив торшер, немного повертелся в поисках приемлемой позы. Неожиданно взгляд наткнулся на еле заметное голубовато-зеленоватое свечение у дальней от моего дивана стены гостиной – как будто откуда-то из-под пола к потолку пещеры поднимался толстый столб призрачного света и уходил куда-то выше за ее пределы. Весьма странный феномен, никогда раньше не замечал ничего подобного в своих владениях. Какое-то время лежал и тупо пялился на светящийся столб. В конце концов, веки мои налились свинцом, и я самым банальным образом уснул.

Следующее мое пробуждение произошло под громкие трели неугомонного друга моего – будильника. По вполне понятным причинам окон в моем жилище не было, поэтому единственными временными ориентирами в подzemелье были для меня мой надежный будильник, найденный, кстати, на одной из городских помоек, да мои командирские часы. Шлепнув ладонью по клавише, прервал душераздирающую трель «дневального», затем нащупал выключатель торшера и, дернув за веревочку с привязанным к ней шариком, повторил один из первоначальных актов божественного творения – создал свет. Затем повалился немного в постели, раздумывая, стоит ли сегодня куда-то нестись сломя голову или предоставить возможность своему усталому телу хорошенько отдохнуть и залечить полученные накануне раны. Потрогал шишку на голове – практически исчезла. Проанализировал состояние внутренних органов – легкий сушнячок, а вообще-то терпимо, главное, наблюдается полное отсутствие фантомных болей в утраченных конечностях.

Приподнялся на постели и, увидев на столе закупоренную пробкой бутылку пива, радостно заулыбался и отчего-то голосом незабвенного Леонида Ильича констатировал:

– Раштет... чмок, чмок, чмок... благо... гошоштояние шовешкого. го народа.

Немного повеселив себя подобным образом, схватил пузырь. Зубами (невзирая на настоятельные предупреждения дантистов) сдернул с бутылки металлическую крышку. После чего жадно, подобно изголодавшемуся по ласке любовнику, прильнул к прохладному горлышку, как принимают к устам любимой женщины. Это сакральное действие продолжалось не более минуты, в результате пузырь опустел, а я ощутил столь мощное физиологическое удовольствие, в сравнении с которым секс с любимой – лишь бледное пятнышко луны рядом с сияющим дневным светилом. Чтобы какой-нибудь чересчур мнительный обыватель не воспринял мои

слова буквально и ненароком не принял меня за извращенца особого рода или (упаси Господи) сексуального маньяка, хочу предупредить сразу, что эти мои ощущения никоим образом не относятся к чувственной сфере – чистая органолептика и ничего более.

Как водится, после доброго глотка освежающего напитка, придающего глазам сияние, духу – бодрость, а мыслям – целеустремленность, нестерпимо захотелось курить. Я не стал сдерживать души прекрасные порывы и потянулся за лежащими на том же самом столике папиросами и зажигалкой.

Глава 3

Ровно через час я, гладко выбритый, умытый, к тому же благоухающий ненавязчивым дезодорантом, покинул свое убежище. Встречи с Махтумом и его ребятами я хоть и опасался, но не очень-то боялся. Залогом моего спокойствия были полдюжины остро отточенных и подпиленных у нижнего основания рабочей кромки надфилей – весьма коварное оружие, между прочим, – всадил врагу в бочину. печень или селезенку, обломил рукоять и делай преспокойно ноги. Если сработать грамотно, пострадавший поначалу ничего не заметит. Но самое главное – ни один следователь ни в жизнь не докажет мою причастность к смерти того или иного человека, поскольку от рукоятки надфиля при желании несложно избавиться. Свое оружие для верности распределил так, чтобы иметь возможность из любого положения дотянуться хотя бы до одного надфиля. Один даже засунул за отворот фуражки. Откровенно говоря, по поводу случайной встречи со своими недоброжелателями я особенно не парился – не такой уж маленький город Нелюбинск, поэтому вероятность данного события ничтожно мала. Другое дело, если меня начнут целенаправленно искать. Однако не думаю, что кто-то станет тратить время на поиски какого-то бомжа – рано или поздно сам на глаза попадется, вот тогда с ним можно будет спокойно разобраться.

Семь утра. Довольно свежо. На земле, на прошлогодних листьях, на припаркованных у домов автомобилях серебрится иней. Луи покрыты легким морщинистым ледком. Впрочем, неторопливо поднимающееся над горизонтом дневное светило и полное отсутствие облачности вселяет определенную надежду на то, что предстоящий день будет не хуже предыдущего. Всякая божья тварь радовалась наступающему дню: весело гомонили птицы, ошалелые от переизбытка гормонов кошки то и дело перебегали дорогу, длинными беспокойными вереницами сновали туда-сюда собачьи свадьбы.

Совсем еще юные девушки и молодые женщины опрометчиво поторопились сбросить с себя зимние одежды, скрывавшие прелесть их стройных фигурок, теперь они зябко ежились от всепроникающего холода, то и дело одергивали коротенькие курточки, чтобы хоть как-то прикрыть наготу обнаженных не по сезону животиков. Мужчины, вне зависимости от возраста и социального статуса, провожали маслеными взглядами отчаянных модниц. Дамы постарше смотрели на голые животы и спины осуждающе – девкам рожать, а они дуры придатки студят. Каким только местом думают?

На проезжей части полно автомобилей – все торопятся загодя добраться до места работы. Помнится, еще каких-то десять лет назад в этом провинциальном городишке не было такого изобилия транспортных средств. В наше зажиточное время каждый уважающий себя гражданин Нелюбинска предпочитает прибыть к месту службы или работы на личной «Тойоте», «Опеле», «Ауди» или, на худой конец, на тридцатилетнем «жигуленке» или «Москвиче».

Обход подведомственной мне территории я решил начать с небольшого лесного массива, примыкающего к кладбищу. По утрам здесь бегают озабоченные здоровым образом жизни обитатели близлежащих кварталов, выгуливают своих питомцев собаководы. Днем в лесочке прогуливаются шумными группками мамы с колясками и пенсионерки с малолетними внуками, часто заглядывают для поправки здоровья нетрезвые с утра слесари-сантехники, чтобы подальше, значит, от всевидящего начальственного ока. Вечером сюда вновь возвращаются владельцы собак вместе со своими лохматыми любимцами. А по ночам здесь гудит (как в прямом смысле, так и в переносном) шумная рокерская тусовка: ревет мощными моторами, сверкает яркими огнями, бряцает цепями, скрипит кожей, горланит пьяными голосами, верещит душераздирающими девчачьими взвизгами. Как следствие, по утрам здесь самый настоящий Клондайк для искушенного искателя сокровищ, главное – опередить конкурентов и добраться до «золота скифов» раньше других.

Сегодня я оказался вне конкуренции. Ребятишки накануне славно повеселились и помимо использованных презервативов, в несметных количествах разбросанных на земле и развешенных по кустам и невысоким деревцам, меня поджидал ценный приз в виде богатых залежей алюминиевых банок, а также изумительных россыпей пивной и водочной стеклотары. Напевая себе под нос арию индийского гостя из оперы «Садко»: «Не счесть алмазов в каменных пещерах, не счесть жемчужин в море полуденном...», я начал интенсивную разработку обнаруженных мной богатств. При этом всячески старался избегать контактов с вышеупомянутыми средствами контрацепции – мало ли какая зараза в них таится, подцепишь ненароком, а у меня и медицинского полиса отродясь не бывало...

Часам к десяти я, подобно заядлому грибнику, основательно прочесал лесной массив и отягощенный изрядным количеством трофеев направился к автобусной остановке. Если удача не покинет меня, сегодня мне удастся сделать не одну, а целых две ходки к Гарибу и Мармеладе. Маршрутку долго ждать не пришлось. Добравшись до нужной улицы, я вышел из машины и помахал на прощание рукой сердобольному водителю – выходцу то ли с Кавказа, то ли из Средней Азии, наотрез отказавшемуся брать с меня плату за проезд.

Благородный поступок этого, в общем-то, не самого богатого человека натолкнул меня на некоторые размышления философского свойства. Взять вчерашних бандитов и этого улыбчивого паренька – все они здесь чужаки, только один ведет себя как гость и прекрасно понимает, что проще приспособиться самому. Другие же пытаются вовсю насаждать свои законы. И это свойственно подавляющему большинству выходцев из южных республик бывшего СССР. К примеру, до появления всех этих армян, азербайджанцев и прочих азиатов, аппетиты нашего славного чиновничества были весьма скромными. Не сказать, что не брали. Брали, но в меру и с опаской. Я прекрасно помню, как в конце восьмидесятых – начале девяностых в Россию прибывали из многочисленных горячих точек распадающейся империи отягощенные баулами и чумазами детьми многочисленные беженцы. Со страдальческими лицами они публично благодарили гостеприимных россиян. Их встретили, приютили, накормили, обогрели. Даже простили то, что многие из них вырезали русских целыми семьями в Баку, Ташкенте, Душанбе и других городах. По мне-то пусть живут, пускай богатеют, но не развращают народ и в первую очередь продажных чиновников своими феодально-азиатскими замашками. Сегодня эти так называемые беженцы с золотыми улыбками и туго набитыми кошельками запросто проходят куда угодно без очереди, пинком ноги открывают любую дверь и поплевывают пренебрежительно на коренных граждан, вынужденных до поры до времени терпеть весь этот произвол. В моей голове невольно возник вопрос: «Надолго ли хватит нашего терпения?» Да, русский человек терпелив и даже позволяет какое-то время плевать себе в лицо и сидеть у себя на шее, но рано или поздно всему приходит конец. Мы не американские англосаксы, готовые целовать ниже пояса своего чернокожего брата лишь за то, что когда-то предок черномазого горбатился на плантации, принадлежавшей белому человеку. Мы даже не «гордые внуки славян», скорее мы дурные, и дури этой, как свидетельствует история, вполне хватает, чтобы потрясти до основания не только Матушку-Рассею, но и весь остальной мир. Неужели там, наверху, не понимают всей опасности грядущего русского бунта? Не думаю – в Кремле сидят не дураки. К тому же, аналитические отделы спецслужб наверняка отмечают рост недовольства, связанного с массовым переселением мусульман в регионы с исконно православным населением. Да что там далеко за примерами ходить – взять хотя бы Францию с ее арабами и неграми. Там эти «гости» уже жгут машины и бузят вовсю на улицах, но скоро возьмут в руки оружие и устроят лягушатникам такой кандибобер, что пресловутая Варфоломеевская ночь покажется им невинной забавой. Прав Гариб: сегодня черные скромно сидят по рынкам и лавчонкам, завтра двинут во власть и начнут командовать нами на свой азиатский манер, настроят мечетей, введут свои дикие законы. Но мы не югославы и, слава богу, у нас есть чем защититься от внешнего вторжения. Отсюда вывод: все идет к тому, что рано или поздно в стране произой-

дет кровавая разборка. Что случится дальше, несложно спрогнозировать, не обладая семью пядями во лбу...

Неожиданно на меня налетел какой-то спешащий субъект пенсионного возраста и едва не переколотил всю мою посуду. Упрекнув себя в излишней склонности к праздному философствованию, я поправил на спине довольно тяжелый рюкзак и со всеми предосторожностями направился в сторону пункта приема стеклотары...

Опля! Едва я покинул владения мадам Шнобс, на горизонте замаячила знакомая до боли (особенно в ушибленной голове) «копейка» салатного цвета. Несомненно, меня пасли, точнее, преспокойно поджидали, когда меня угораздит навестить добрейшую Мармеладку Иеронимовну.

«Выходит, крепко обиделись на вас, Андрей Николаевич», – мысленно обратился я сам к себе в преувеличенно-уважительном тоне.

Неужели вместо того, чтобы в перерывах между партиями в шеш-беш⁶ кушать плов, пить зеленый чай и судачить о том, каких знойных белокурых толстух оприходовали накануне, эти ребята с самого утра торчат в тесном салоне «Жигулей». Представил, каким отборным матом костерят меня пассажиры и водитель вышеупомянутого транспортного средства, и сердце мое наполнилось гордостью за себя любимого.

«Уважаемый Андрей Николаевич, – подумал я, – как любит говаривать нынешняя молодежь: «Респект вам и уважуха!», получается, нас побаиваются и крепко побаиваются. И правильно делают, что боятся. Пусть знают: разведбат не сдается».

Впрочем, минутное ликование очень быстро сменилось серьезной озабоченностью. Разведбат, оно понятно, не сдается, но погибать в расцвете лет от рук недобитых духов и что самое главное – не в заоблачном Гиндукуше или песчаном Регистане, а посреди Среднерусской возвышенности – не только не хочется, но и до слез обидно.

– Вот вам, сучары обрезанные! – громко выкрикнул я, не на шутку перепугав какую-то древнюю старушенцию, волочащую на поводке упирающуюся таксу, затем сделал характерный жест в сторону крадущейся за мной «копейки». – Десантура клала на вас вот такого... с прицепом!

Сразу же после этого я что было мочи рванул в сторону от дороги, пытаясь дворами уйти от преследования. Понятное дело, вряд ли мне удалось ускользнуть, если бы за мной побежали, но автомобиль как двигался по проезжей части, так продолжал свое движение без остановок. Не нравится мне все это. Если ребята, увидев меня, вызвали подмогу, а это вполне в их духе – вдесятером на одного, значит, дела хреновые. Похоже, придется, не дожидаясь летнего тепла, сваливать из славного городка Нелюбинска. Ну что же, к жизненным трудностям мне не привыкать. Главное в данный момент сбросить их с хвоста.

Пересек двор с детскими грибочками, горками и качелями и, пройдя между двумя блочными пятиэтажками, вновь напоролся на знакомую «копейку». Даже увидел ухмыляющиеся рожи старых знакомых. Не было там только Махтума, а так, вся троица в сборе.

«Сами не решаются взять меня в оборот, ждут главара с подмогой», – сообразил я, анализируя возможные варианты отступления.

Решение – как это часто бывает в стрессовых ситуациях – пришло внезапно. На другой стороне улицы я увидел хорошо мне знакомый гипермаркет. Я регулярно бываю на его заднем дворе и очень часто мне удается разжиться там бутылочкой-другой из-под пива или толикой алюминия в виде заветных банок. Тамошние малопосещаемые представителями нашей горячо любимой милиции лабиринты, весьма привлекательны для лиц, желающих провести время в теплой дружеской компании без какого-либо риска угодить в отделение за распитие спиртных напитков в общественных местах. Ну посидит молодежь на ящиках, ну поболтает о том, о

⁶ Нарды.

сем, ну подерется иногда. Главное, чтобы смертоубийства не было и чтобы посуду с собой не утаскивали или не кололи. Впрочем, в наше время, никто, кроме нас – бомжей да нищих пенсионеров, не желает связываться со сдачей стеклотары или цветмета – времени потеряешь прорву, а выгоды на грош. Так вот – если мне удастся прорваться мимо «копейки» к этому магазину, считай, дело в шляпе. Уж как-нибудь дворами да закоулками уйду из-под опеки своих «благожелателей».

Теперь, когда план спасения во всех деталях сформировался в моей голове, оставалось приступить к его поэтапному осуществлению. Самое главное сейчас – находиться в толпе. В людном месте бандиты не станут даже и пытаться затащить меня в машину, тем более если объект не намерен так запросто сдаваться. По этой причине я неспешным шагом двинул в направлении пешеходного перехода, регулируемого светофором, стараясь не выпускать «копейку» из поля зрения.

«Пасущие» меня парни, кажется, особенно не волновались – ну куда этот ущербный денется от крепких длинноногих пацанов, уверенно стоящих на собственных ногах и способных в любой момент догнать беглеца. Они с интересом наблюдали за моими действиями и о чем-то оживленно беседовали.

Дождавшись, когда загорится зеленый свет для пешеходов, я немного выждал, чтобы усыпить бдительность своих преследователей. Но едва лишь собрался рвануть через дорогу со всей возможной прытью, как услышал рядом с собой душераздирающий женский крик, за ним еще один и еще. Повернул голову влево и увидел черный тонированный внедорожник, летящий с бешеной скоростью прямо надвигающуюся по пешеходному переходу толпу. Расстояние между автомобилем и людьми не превышало пятидесяти метров, и если учесть, что транспортное средство двигалось со скоростью в восемьдесят-девять километров в час, было очевидно, что через пару секунд оно врежется в толпу.

«Полста метров, – промелькнуло в голове, – еще можно что-нибудь предпринять. Чего же он не тормозит сволочь?!»

Но водитель внедорожника по совершенно непонятной мне причине продолжал, не снижая скорости, вести автомобиль прямо на толпу. Между тем мой мозг автоматически отмечал: сорок метров, тридцать пять, тридцать... еще секунда и случится непоправимое... двадцать пять...

Неожиданно в голове что-то щелкнуло, и я ощутил себя сидящим на водительском кресле мчащегося на толпу автомобиля. Откровенно говоря, весьма престранное чувство – только что ты был хромоногим и одноруким инвалидом, в следующий момент ты здоров, молод, вдобавок основательно напигован алкоголем и наркотиками. Мне весело, я ловлю кайф оттого, что эти маленькие людишки через миг погибнут под колесами моего автомобиля. Меня не пугает возможное наказание за содеянное – влиятельный папашка уже неоднократно вытаскивал мою задницу из дерьма, вытащит и на этот раз. Ух, ты!.. Ну до чего же здорово!..

Откуда в моей голове появились подобные мысли? Ах да, я же теперь не Шатун, а кто-то другой. Точнее не кто-то, а тот самый обдолбанный наркотой и водярой ублюдок, сознательно ведущий на толпу свой тяжелый автомобиль. Состояние престранное, для меня необъяснимое. Может быть, какой-нибудь профессор из института мозга имени Бехтерева и мог бы приоткрыть завесу тайны над происходящим, да где ж его взять – этого самого профессора? К тому же в данный момент меня боле всего беспокоило не само состояние, в котором я неожиданно для себя оказался, и не те странные ощущения, которые я испытывал, а застывшие посреди пешеходного перехода люди, с ужасом вззирающие на несущуюся прямо на них неотвратимую смерть.

«Застывшие, – уцепился я за последнюю свою мысль, – точно – застывшие люди, а это означает, что по какой-то непонятной причине мне удалось не только внедриться в сознание водителя, но остановить неумолимый бег самого времени. – Ну и ну, Шатун! И где только

были твои таланты, когда на тебя падала мина, выпущенная духами из миномета? Сейчас не щеголял бы в ортопедической обуви, смотрел бы на мир двумя глазами, не таскал бы на левой руке изрядно надоевший протез, но самое главное – не просыпался бы по ночам в холодном поту от острой боли под сердцем».

Однако для чего-то мое сознание внедрили в тело одуревшего от наркоты и водки придурка. Сам Господь ли вмешался, Проведение ли или таинственные инопланетяне – мне неведомо, но, поскольку так получилось, пожалуй, следует что-то предпринять для спасения ни в чем не повинных людей. Скосив взгляд (как-то непривычно смотреть на мир двумя глазами) на приборную доску, автоматически отметил показания спидометра – восемьдесят пять км в час. На такой скорости несложно снести даже железобетонный фонарный столб. Ага, фонарный столб... а вот справа как раз подходящий – толстый, прочный. А за ним бетонная тумба для расклейки театральных афиш и частных объявлений граждан. Откуда знаю, что бетонная и цельнолитая, а не какая-нибудь фанерная и полая? Дело в том, что пять лет назад, когда ее воздвигали, я вместе с прочими обывателями сильно возмущался по поводу нерационального расходования высококачественного бетона на возведение сомнительного архитектурного шедевра. Короче, решение проблемы лежит на поверхности, остается лишь резко крутануть руль. Я попробовал приложить легкое усилие, но ничего не вышло – сознание будто поместили в чугунное изваяние – ни ногой, ни рукой, ни шеей пошевелить не представлялось возможности. Я напрягся изо всех своих сил, еще немного и еще чуть-чуть... Получилось. Как следствие, из мощных динамиков по ушам будто кувалдой долбануло нечто блатное разухабисто-хрипатое. В тот же самый момент с ужасом и несказанным удовлетворением я отметил, что доселе неподатливая рулевая баранка свободно вращается вправо. В окно я увидел неумолимо надвигающийся на меня фонарный столб. А перед тем, как мое сознание окончательно погрузилось во тьму, я заметил стоящего у светофора мужчину в пятнистой меховой куртке военного покроя и таких же брюках, одноглазого с основательно изуродованным лицом. Он молча пялился в мою сторону, при этом блаженно улыбался.

Оглушительный удар автомобиля о столб вернул меня к действительности. Я вновь пребывал в своем изуродованном теле и, как ни странно, был весьма доволен этим фактом. Тем временем врезавшийся на полном ходу в фонарный столб внедорожник снес нехилую преграду и, как я и предполагал, окончательно остановился, столкнувшись с бетонной тумбой. К счастью, пострадавших, кроме, разумеется, водителя, не было, и тумба, в отличие от автомобиля, практически не пострадала. Срезанный будто ножом столб упал на проезжую часть, к счастью, никого не придавило, даже не зацепило проводами.

Основательно перепуганные люди торопились как можно дальше отойти от смятой в гармошку машины. Кто-то уже звонил в милицию, в местное отделение МЧС, в «Скорую помощь». Особо отчаянные, наоборот, бежали непосредственно к месту аварии, чтобы оказать посильную помощь безалаберному водиле, ежели таковому удалось выжить – в жизни всякое бывает. А на меня ни с того, ни с сего накатила такая неимоверная усталость, что ноги сами по себе начали подкашиваться, а сознание устремилось в мрачную бездну беспамятства. Последнее, что я помню, был громкий женский крик:

– Люди добрые, помогите, мужчине плохо!..

Очнулся от громких голосов. Разговор велся на каком-то тюркском наречии, скорее всего, по-узбекски. Несмотря на то, что мой словарный запас был чрезвычайно ограничен, я понял, что обсуждают мою персону. По легкому покачиванию, натужному реву двигателя и мягким подушкам под задницей догадался, что нахожусь в салоне легкового автомобиля. Кажется, водитель не очень опытен – давно следовало передачу переключить, а он все на пониженной телепается. Хотел конкретно высказаться о том, что думаю по поводу водительского умения сидящего за рулем, но тут неожиданно в памяти всплыли обстоятельства определенного рода, и я благоразумно прикусил язык. Даже затаил дыхание, чтобы как можно убедить

тельнее изображать обморок. Вообще-то зря старался – ребята вели оживленную беседу и на меня не обращали никакого внимания. За время своего пребывания в ташкентском госпитале я немного поднаторел в тюркских наречиях, благодаря этому своему знанию кое-что понял из их разговора. В частности то, что за мою поимку Махтум обещал парням приличное материальное вознаграждение, а также то, что они уже знают, на что потратят полученные бабки.

«А Махтум-то за что так на меня окрысился? – недоуменно подумал я. – Неужели за вчерашнюю оплеуху мстить собрался? Выходит, гордый чебурек и злопамятный».

Тем временем Султан, Хамид и тот самый, водитель, с которым я еще не успел лично познакомиться бурно обсуждали то, с какой легкостью им удалось захомутать «шайтан-бомжа» (это, кажись, в мой адрес), подрядившись доставить потерявшего сознание Шатуна в ближайшую больницу. В результате в салоне раздался громкий искренний смех. Чисто дети, веселые, смешливые и такие же наивные – полагают, что запихнули бывшего десантника в салон своей занюханной «копейки», зажали с двух сторон своими тощими седалищами и хилыми боками – и всё. Зря вы так меня недооцениваете, мальчишки. Дядя Андрей излазил вдоль и поперек весь афганский Гиндукуш и прилегающие к нему окрестности, когда вас еще и в проекте не было и не одного духа на тот свет отправил. А те ребята, не в пример вам, были действительно бойцами, достойными всяческой похвалы. Это же надо – меня даже не связали, придурки самонадеянные. Придется преподать парням небольшой, боюсь, последний в их жизни урок. Видит Бог, я не хотел, но на войне, как на войне – либо вы меня, либо...

Осторожно и очень медленно, моя здоровая рука скользнула к набедренному карману, где хранился один из надфилей. Потихоньку вытащил его и в следующий момент нанес резкий удар в грудь сидящему справа Султану. Остро отточенная закаленная сталь легко пробила грудную клетку, затем сердечную мышцу. Юноша умер практически мгновенно, не успев ни удивиться, ни испугаться, ни понять, что же с ним все-таки случилось. Хамид оказался чуть-чуть порасторопнее – он даже попытался вытащить из кармана куртки пистолет. Дурачок – когда противник находится в непосредственной близости, хватай его за горло руками и души или грызи зубами. Второй надфиль, извлеченный мной из нагрудного кармана, я загнал ему через левый глаз прямо в мозг вместе с рукояткой. Этот также долго не мучился – умер мгновенно. Стоит отметить, что ни в первом, ни во втором случае практически не было крови.

В следующий момент в моей руке оказался тот самый «ПМ», что нерасторопный Хамид пытался вытащить из кармана. Снять оружие с предохранителя, передернуть затвор о рукав куртки, взвести курок было для меня плевым делом, несмотря на то, что «макара» я не держал в руках лет двадцать. Водитель поначалу не мог понять, что произошло за его спиной, но, ощутив затылком леденящую прохладу вороненого ствола, быстро сообразил, кто теперь в доме хозяин. Не в силах справиться с охватившим его ужасом, он заверещал по-бабьи визгливо, да так громко, что у меня неприятно засвербело в ушах. Слава богу, не вылетел в кювет и продолжал вполне уверенно управлять автомобилем. Впрочем, довольно скоро он пришел в чувство и залопотал уже более членораздельно:

– Пощади, бират! Толка нэ убивай! Дома мать сапсем балной, систра пять штук, тири бират младшх. Отец пиропал дива год назад...

– Пасть заткни! – скомандовал я. – Следи лучше за дорогой, иначе все твои многочисленные сестры и братья останутся без кормильца не по моей вине.

Парень оказался сообразительным. Он тут же прикусил язык. А у меня наконец-то появилась возможность осмотреться.

Местоположение «копейки» я установил довольно быстро. Машина мчалась по одной из второстепенных трасс, связывающей областной центр – Нелюбинск с небольшим районным городком Берестянском. В данный момент мы находились всего лишь в пяти километрах от окраины Нелюбинска. Эти места были мне хорошо знакомы – в летний сезон я, как правило, бросал бутылочный промысел и отправлялся в окрестные леса за боровиками, подосиновиками.

ками, рыжиками и прочими, пользующимися спросом грибами, кои за неплохие деньги сбывал направляющимся в Москву дальнотойщикам и дачникам-москвичам.

– Эй! Как тебя там? – обратился я к водителю.

– Фархад моя имя, – незамедлительно ответил тот.

– Задача такая, Фархад, сбавляешь потихоньку скорость и вон у того указателя сворачиваешь на грунтовую дорогу. Тебе все понятно?

– Висё понятный, уважаемый ага, толка нэ убивай, бират!

Мне ужасно хотелось ответить ему словами главного героя одного весьма любимого мной фильма: «Не брат ты мне, гнида черножопая!», но вынужден был сдержаться, даже ободряюще улыбнулся ему в зеркало заднего обзора – не стоит до поры до времени лишать человека надежды...

Проехав пару километров по основательно раздолбанной грунтовке, мы углубились в еловый лес. Затем я приказал ему свернуть на проложенную лесозаготовителями еще в незапамятные времена просеку. Дорога начинала потихоньку зарастать ольхой, лещиной и березняком, но продвигаться по ней на первой передаче можно было вполне. Заподозрив неладное, Фархад забеспокоился и потянулся было к ручке запорного устройства двери. Но я тоже не дремал – ткнул посильнее стволом пистолета в ложбинку у основания черепа и грозно прорычал:

– Не дури, парень!

Впрочем, долго ехать нам не пришлось. Передние колеса «копейки» наткнулись на заполненную до самого верха талой водой глубокую колею. Автомобиль прополз еще метр-полтора, рывкнул напоследок изношенным движком и успокоился, увязнув по самое брюхо в основательно растревоженной колесами «жигуля» грязи.

Не дожидаясь слезных стенаний и мольбы о пощаде, я саданул водителя рукояткой «ПМ» по темечку. Затем обшарил карманы сидящих рядом со мной парней. Без ложного стыда перед покойниками забрал деньги и документы. Ко второму обнаруженному мной за поясом Султана стволу не притронулся. Ножи, кастеты и мобильные телефоны также оставил на своих местах. Закончив мародерствовать, распахнул заднюю дверцу со стороны водителя, осторожно, чтобы ненароком не запачкаться, перелез через Хамида и выбрался на свежий воздух.

После престранного происшествия с внедорожником я ощущал необычную слабость во всем теле. В голове туман и полный сумбур. Удивительно, как это мне удалось справиться с тремя физически крепкими мордоротами. Несмотря ни на что, бросать начатое дело на половине я не собирался. Необходимо в срочном порядке уничтожить все обличающие меня улики. Первым делом я без зазрения совести очистил карманы Фархада от денег и документов, заодно свернув ему шею. Парнишка умер, не приходя в сознание. И пусть какой-нибудь отъявленный гуманист только попробует упрекнуть меня в излишней жестокости. С удовольствием поменяюсь с ним местами и со злорадством во взоре понаблюдаю, каким образом этому чистоплюю удастся выжить при сложившихся обстоятельствах. Уверяю, если этот тип не безнадежный самоубийца, очень скоро из кроткого агнца он превратится в матерого волчару, готового вцепиться зубами в глотку любому, поднявшему руку на его драгоценную жизнь. За сорок с лишним прожитых лет мне так и не удалось познакомиться хотя бы с одним человеком, готовым подставить левую щеку после того, как на его правую опустилась чья-то крепкая длань. Попадались, конечно, извращенцы-мазохисты, но это тема для отдельного разговора, к данной теме не относящегося. Как-то мне пришлось настучать «по репе» одному служителю православного культа. Между прочим, за дело – этот ушлый батюшка предложил мне должность нищего на паперти его храма всего-то за пятьдесят процентов моих ежедневных сборов. И кто бы мог подумать, что вместо того, чтобы с благодарственными слезами на глазах и покаянной молитвой принять кару, ниспосланную ему (в моем лице, разумеется) самим господом, святотатец попытался взять реванш у инвалида посредством своих нехилых кулаков...

Пardon-с, немного отвлекся. Если серьезно, в данной ситуации у меня просто не было выбора. Конечно, Махтум в курсе того, что его ребята захватили Шатуна и везут пленного к нему. Обнаружив автомобиль с тремя трупяками, он непременно сообщит, чьих рук это дело и поднимет на уши всех своих нукеров, а может быть, привлечет для моих поисков нелюбинскую милицию, благо числится в корешах у подполковника Исмаилова. Сейчас для меня любой живой свидетель смертельно опасен, впрочем, также как и мертвый. Именно по этой причине я собирался избавиться и от автомобиля, и от трупов, в нем находящихся.

Напоследок обшарил бардачок и багажник. В бардачке, кроме всякого ненужного барахла, лежали: небольшой пластиковый пакет с белым порошком и еще один «ПМ», принадлежавший, по всей видимости, Фархаду. Проверять содержимое пакета я не стал – ежу понятно, не сахарная пудра или крахмал. Пистолет также оставил лежать на месте. Зато к великой своей радости в багажнике, кроме запаски, ящика с инструментами и насоса обнаружили две десятилитровые канистры с бензином – хозяйственные попались ребята. Впрочем, памятуя о том, как неохотно горят трупы, я хорошенько наштапковал автомобиль валявшимися вокруг в преогромном количестве толстыми сучьями и нетолстыми бревнами (низкий поклон нерадивым лесозаготовителям!). Затем окропил все это содержимым одной канистры, вторую запихнул в салон между дровами и трупяками. Снял крышку топливного бака, чтобы избежать взрыва, и для верности обложил «копейку» сучьями и бревнами. Получился приличного размера шалашик, ну прям прощальный пионерский костер, мне даже песенка на ум пришла из моего далекого детства:

Гори, костер, подольше,
Гори не догорай.
А завтра, лагерь, скажем:
Прощай, прощай, прощай...

Черт, даже сентиментальную слезу прошибло. Плясали, пели, хороводы водили, потихоньку заряжались заранее припасенным портвешком, потом, бах – не помню, как оказался в жарких объятиях восемнадцатилетней пионервожатой Ларисы Ивановны в стороне от всеобщего веселья... Да, хорошие были времена, беззаботные – вспомнить приятно.

Окинув придирчивым взглядом дело рук своих, я достал пачку «Беломора», прикурил папиросу от зажигалки. Запалил найденный мной в багажнике машины и заранее пропитанный бензином кусок ветоши...

Перед самым уходом все-таки бросил в разгорающийся костер документы, – весьма небезопасно иметь при себе подобный компромат. От «макара» поначалу также хотел избавиться, но, немного поразмыслив, решил пока оставить. Напоследок снял фуражку и, перекрестившись, обратился к усопшим с кратким словом:

– Прощайте, парни, и не держите на меня зла. Простите, что похоронил вас не в земле и не в гробу, но так уж получилось. Как говорил Заратустра: горите с миром, живых оставьте в покое, и пусть на том свете вам будет отмерено сполна за все ваши прегрешения и благодеяния.

Насчет Заратустры, я, конечно же, малость присочинил. Для вящей убедительности, так сказать, сослался на авторитет весьма уважаемого человека, чтоб покойнички, упаси господи, не вознамерились мстить своему убийце.

Посчитав миссию выполненной, я повернулся спиной к костру и не спехом потопал в направлении Нелюбинска. По вполне понятным причинам выходить на шоссе я не собирался. Прогуляюсь по лесу, подышу свежим воздухом – для здоровья весьма полезно. В «берлогу» попаду еще засветло. Жаль эти гады куда-то похерили мой рюкзачок, забыли, наверное, от радости там, где меня бесчувственного спеленали. Да ладно, бог им судья, к тому же сегодня

я не в накладе. Я удовлетворенно похлопал себя по боковому карману куртки, куда положил конфискованные «тугрики», и не без доли щенячьего оптимизма подумал:

«Эх, Шатун, жизнь все-таки прекрасна, даже если ты ущербный калека!»

Впрочем, здесь я кокетливо кривил душой. Ущербным я себя не считал – эвон как ловко уделал троих чебуреков. Значит, еще могём, когда приспичит, и еще как могём. За спиной праздничным салютом раздавались негромкие хлопки – это взрывались патроны в магазинах пистолетов. Затем глухо ухнуло – похоже, бензобак разворотило, а может быть, еще что-нибудь взорвалось. Вряд ли проезжающие по трассе водители обратят внимание на дым, поднимающийся над кронами деревьев. Лесозаготовители частенько устраивают в здешних лесах полыхало похлеще этого. Весенний лес напоен влагой, не загорится. Трех пропавших азиатов вряд ли станут особенно искать – мало ли куда свалили в поисках лучшей доли. Так что на обгорелый остов «копейки» и человеческие останки (ежели таковые сохранятся) наткнутся не раньше начала грибного сезона.

Успокоив себя подобным образом, я заработал ногами со всей возможной энергией, чтобы поскорее убраться подальше от проклятой машины и несчастных пацанов, сдуру связавшихся с бывшим десантником. На свою беду, они даже не подозревали, что десантники бывшими не бывают, даже когда у них отсутствует половина конечностей. Лучше бы они побольше читали или хотя бы посмотрели «Девятую роту». Набрались бы ума и, вполне вероятно, до сих пор гоняли по городу на своей «копейке» и давились слюной, жадно пожирая глазами толстозадых нелюбинских блондинок.

Пройдя пару километров, я окончательно выбился из сил. Не то, чтобы ходьба по лесу особенно изматывала, просто физические и душевные силы никак не желали приходить в норму после недавней моей отключки. Ощущение такое, будто я нахожусь в состоянии большого бодуна, и по какой-то необъяснимой причине здоровье упорно отказывалось приходить в норму, несмотря на наличие достаточного количества свежего воздуха и бодрящих птичьих песнопений. Чтобы не грохнуться в очередной обморок (становится дурной привычкой), я присел на первый попавшийся пенёк. Закурил и под вкусный дымок начал анализировать внутреннее состояние своего организма.

На первый взгляд вроде бы ничего не болит. Однако сухость во рту и жаркое дыхание, буквально обжигающее губы, явно указывают на то, что со мной не все в порядке. Помимо всего прочего, ужасно кружится голова, знобит и подташнивает.

«Вот же непруха», – подумал, затем громко на весь лес выматерился.

Не хватало завалиться в бессознание под елками и березами, чтобы меня здесь ежики да лисы по норам растащили.

Ужасно захотелось пить. Покрутил головой в поисках приемлемой лужи. Не обнаружив таковой, огорченно вздохнул и с великим трудом оторвал задницу от пня, чтобы отправиться на поиски воды. Тут мое внимание привлек толстый белоснежный березовый ствол. На дворе апрель месяц – пора активного движения соков. С трудом преодолевая головокружение, я подошел к шершавому стволу, достал из кармана швейцарский армейский нож с рукояткой с накладками из красного пластика и стилизованным швейцарским крестом, оконтуренным щитом. Эта игрушка когда-то досталась мне в качестве трофея от одного светловолосого парня, специализировавшегося на стрельбе из снайперской винтовки по нашим солдатам. Не лишним будет упомянуть, что кроме отменного ножа я получил за него «Красную Звезду» и благодарность от командования. Жаль, не удалось взять живьем – заработал бы звезду Героя.

Пара-тройка сильных и точных ударов на уровне головы, и из образовавшегося отверстия полилась мутная струя. Дождавшись, когда истекающий сок очистится от горьких частичек березовой коры, я, подобно младенцу, припадающему к материнской груди, прильнул губами к свежей ране. При этом я как бы ненароком обхватил руками ствол дерева. И (о чудо!) в следующий момент почувствовал непередаваемое блаженство. Ощущение было такое, будто

по телу снизу вверх течет мощный поток живительной энергии. Головокружение, тошнота и туман в голове начали постепенно отступать, даже пить расхотелось. Я стоял, обняв белый ствол, стараясь, как можно теснее прижаться к нему или даже слиться с ним в единое целое, и молил бога, чтобы животворящий поток никогда не кончался.

Подобным образом я простоял около получаса. Зажмурив глаза, банально наслаждался неведомыми ранее ощущениями. Как губка, впитывал животворящие токи, которыми щедро одаривала меня береза. В какой-то момент, достигнув своего апогея, состояние эйфории резко пошло на спад. Я понял, что дерево поделилось со мной всем тем, что могло дать. Не то, чтобы я не мог взять большего, просто потенциал растений в этом плане довольно ограничен. Все это я понял каким-то шестым чувством и, отстранившись от ствола, нежно погладил рукой шершавую кору. Совершив сей благодарственный акт, я бодрой походкой похромал в направлении Нелюбинска. После столь странного соития кровь бурлила в моих жилах, а ноющая боль в покалеченной ноге, к которой я привык и которую старался не замечать, как-то сама по себе утихла и за все оставшееся время пути до берлоги больше меня не беспокоила.

Глава 4

«Буумззз, Буумззз, Буумззз...» – Проснулся я от негромкого, но крайне навязчивого звука. Посмотрел на светящийся циферблат наручных часов – половина второго. Поскольку будильник еще не прозвенел, выходит, на дворе поздняя ночь.

Несмотря на энергетическую подпитку, которую я получил в лесу, до дома доплелся еле живой от усталости и, наскоро поужинав банкой тушенки и черствым хлебом, тут же завалялся в постель, даже душ принять не было сил. Измотанное внезапно обрушившимися на мою голову психологическими и физическими нагрузками тело невыносимо ныло. Ощущение было такое, будто целые сутки я занимался разгрузкой вагонов с картошкой, а потом выдержал пяток раундов в схватке с Костей Дзю.

«Буумззз...» – Звук будто от басовой струны контрабаса.

Присел на кровати и в поисках источника непонятного звука принялся крутить головой из стороны в сторону. Впрочем, таковой обнаружился практически сразу. Толстый луч призрачного света, который я имел счастье наблюдать прошлой ночью и о котором основательно подзабыл. Не то, чтобы уж вовсе забыл, просто за весь крайне насыщенный событиями и переживаниями прошедший день было как-то недосуг обмозговать сей странный феномен. К тому же, кроме светящегося столба, я повидал за минувшие сутки столько всякого разного, что даже самому привередливому искателю приключений на всю жизнь хватит. Взять, к примеру, случай с чокнутым владельцем джипа. До сих пор не могу без брезгливости вспоминать о том, как я побывал в теле этого уродца. А троица придурков, возомнивших себя крутыми суперменами. Если кто-то считает, что вот так запросто убить человека для меня, что муху придавить, тот глубоко заблуждается. Безусловно, в отличие от обыкновенного обывателя, я специально обучен умению лишать людей жизни. Если хотите – это моя профессия. Вместе с тем, сам процесс никогда не доставлял мне особой радости. Даже снайпера-европейца там, в далеком Афганистане, я убил без особенного удовольствия, хотя на его счету было не меньше десятка жизней наших ребят, и даже, несмотря на то, что за время «охоты» на него пару раз он едва не продырявил мою голову...

«Буумззз», – напомнил о своем существовании призрачный столб, полыхнув при этом чуть ярче обычного.

Столь занимательная трансформация странного объекта отвлекла меня от невеселых мыслей о навсегда ушедшей молодости. Непонятно по какой причине, мне вдруг ужасно захотелось подойти к загадочному световому столбу и посмотреть, что он собой представляет, а может быть, даже рискнуть потрогать его.

Я присел на кровати, сунул здоровую ногу в домашний тапок и, опираясь на костыли, направился к противоположной стене гостиной. Стоит отметить, что, по мере приближения к загадочному объекту, моя решимость познакомиться со столь странным образованием как-то постепенно таяла. Подойдя практически вплотную к исходящему из-под пола пещеры призрачному лучу, я остановился, любуясь голубовато-зеленоватыми переливами внутри него. Вблизи световой столб оказался вовсе не однородным. Он состоял как бы из отдельных струй разной плотности и цветовой насыщенности. Минут пять я не сводил восторженного взгляда со столь чудесного зрелища, не решаясь коснуться завораживающе-колышущейся поверхности. Известно, сколько бы я еще простоял подобным образом, но тут один из костылей предательски выскользнул из покалеченной руки, я потерял равновесие и в поисках опоры едва ли не всем своим корпусом влетел в сияющий призрачный столб.

Сказать, что я испугался – ничего не сказать. Еще неизвестно, как подействует на меня эта загадочная субстанция. А вдруг это не просто свет, а мощный поток радиации, и в данный момент я получаю дозу, какая не снилась ни одному ликвидатору аварии на Чернобыльской

АЭС? Однако то, что это не простой свет и тем более не жесткое гамма (бета, альфа и прочее) излучение, а нечто совершенно иное, я понял через некоторое время после того, как оказался внутри луча.

Поначалу ничего не почувствовал, но вскоре что-то неуловимо изменилось. Ощущение было такое, будто на поверхности моей кожи широко раскрылась каждая пора, вслед за этим внутрь моего тела хлынул могучий бурлящий поток неукротимой энергии. Пожалуй, именно такие ощущения я испытал в тот момент, когда ненароком обнял в лесу белоствольную красавицу. Однако на этот раз все было намного острее, ярче. Поток оказался настолько мощным, настолько обжигающим, что вначале мне показалось – еще миг и он попросту испепелит меня – вот так запросто превратит в аккуратную кучку золы. Но этого не произошло, мой организм сам, без какого-либо стороннего вмешательства, приспособился к сложившимся обстоятельствам, и мощность потока поступающей внутрь меня энергии значительно уменьшилась. В результате по всему телу начало разливаться невыносимое блаженство. Я закрыл глаза и вообразил, что без какой-либо опоры парю в воздухе. Неожиданно моя голова пришла в довольно жесткое соприкосновение с чем-то весьма твердым. Я распахнул веки и увидел, что нахожусь в подвешенном состоянии на высоте трех метров от пола, упершись головой в потолок.

«Не фига себе! – без тени испуга или удивления подумал я. – Это же левитация или... как там ее?... антигравитация в чистом виде. Во блин, с такими талантами для меня прямая дорога в московский цирк на Цветном бульваре к Максиму Юрьевичу или даже в прославленный Дю Солей». – Но когда мой взгляд скользнул по болтающейся в воздухе обнаженной культе ноги, я огорченно вздохнул и выкинул из головы амбициозные планы покорения сердец многочисленных почитателей столь любимого народом искусства.

Наконец до моего сознания все-таки начал доходить тот факт, что я не просто стою на твердой земле, а нахожусь в подвешенном состоянии между небом и землей (точнее – между каменным полом пещеры и ее потолком).

– Бляха муха! – на сей раз уже удивленно воскликнул я. – Прям воздушный шарик, только ниточки не хватает и малолетнего бутуза, который будет таскать меня за эту самую ниточку. Вот же черт! Как теперь на землю спуститься? Неужто придется висеть под потолком до Второго Пришествия.

В беспомощном положении привязанного к воздушному шарiku Винипуха я находился недолго. Как водится, малость перетрухнул. Однако быстро взял себя в руки, напряг волю, сформулировал в голове пожелание приземлиться, а для верности озвучил его, сдобрив по русской традиции крепким непечатным словом. Как ни странно, получилось. Магическая формула сработала именно так, как было задумано – мое беспомощное тело резко устремилось на встречу с весьма жестким полом каменного подземелья. То, что пол жесткий я, конечно же, знал, но до какой степени он жесткий, прочувствовал собственным копчиком в первый раз. В результате падения костыли отлетели в сторону, и ползти за ними на карачках я посчитал делом недостойным новоявленного чародея. По этой причине вновь напрягся и сформулировал свое следующее пожелание: вознестись на метр от пола и до получения дополнительных инструкций парить в струях живительной энергии. Как задумал, так и получилось. Без всякой там мудреной магической галиматши я поднялся в воздух и завис в столбе призрачного света. Для вящего удобства «соорудил» себе невидимое ложе, наподобие зубо врачебного кресла, в котором развалился со всеми удобствами, закинув ногу на ногу, а руки за голову.

С полчаса так валялся в относительной неподвижности, впитывая всеми телесными фибрами дарованную мне самим Провидением энергию. Как я уже говорил, ощущения были сходными с теми, что я чувствовал в лесу во время тесного контакта с березой, с той лишь разницей, что данный поток был неизмеримо мощнее. По мере усвоения все больших и больших порций энергии, я на интуитивном уровне начинал осознавать, что фокусы с левитацией – всего лишь цветочки. Новое мое состояние вполне способно сделать меня, если не богом, во всяком слу-

чае, поставить на одну с ним доску. И пусть на этой доске я не буду королем, согласен стать самой невзрачной пешкой, чем черт не шутит, пешка – фигура проходная и вполне способна стать ферзем...

От столь крамольных мыслей даже холодный пот прошиб – без году неделя в чародеях, сам – убогий инвалид, а всё туда же – в боги метит. Вспомнил о своей ущербности и запечатлелся. Неожиданно в голове всплыл эпизод из читанных и множество раз перечитанных «Хроник Амбера», а именно там, где к Корвину возвращается зрение.

«Черт побери! – восторженно подумал я. – А ведь это мысль – отрастить себе новую руку и ногу, а заодно и глаз. Разве мы таперица не в магах числимся?»

Поначалу идея насчет регенерации утраченных конечностей меня окрылила. Неплохая задумка. Но тут же возникло множество вопросов, которые в конце концов сводились к одному: «Каким образом реализовать столь амбициозную задумку?» Приказать органам расти – ать-два! – вряд ли получится. Поговорить с врачами, так, мол, и так: владею магией-шмагией, хочу вырастить глаз, не подскажите ли, уважаемые, каким образом мне лучше всего это сделать? Чушь! Туфта! Да меня самая скудоумная медсестра на смех поднимет. А ежели, к примеру, я воспарю перед каким-нибудь именитым светилом или лучше перед целым консилиумом? Голый вассер – как говаривали во времена моей бурной молодости – или по-другому: безнадежная затея. Светила скорее дружным кагалом в дурдом отправятся и меня с собой прихватят, нежели поверят в парящего над их головами человека. Впрочем, перед тем как определить друг друга в соответствующее учреждение, эти умники вполне способны вскрыть мою черепушку и посмотреть, что это у меня там внутри эдакое особенное. Так что вариант с врачами отпадает, как абсолютно бесперспективный, даже смертельно опасный.

Попытаться убедить физиков? Да я и без них летать умею и эвон какие виртуальные лежаки без столярного инструмента ваять – любо-дорого зад прислонить. К тому же, покаместе создадут соответствующую теоретическую базу, пока на Большом адронном коллайдере ее «обкатают», я от старости сдохну – вон сколько мирный термояд изобретают, никак изобрести не могут. Водородную бомбу в два счета сварганили, а вот если для людей чего – опосля дождя в четверг. Не, пусть физики занимаются своими делами, и держаться от этих крайне непредсказуемых типов мне следует как можно дальше. Отсюда резюме: ждать помощи от ученых крайне недальновидно и также весьма опасно для здоровья.

А может быть, среди коллег-чародеев пошукать – по сусекам исконно народного ведовства поскрести, по амбарам кашпировско-чумацким помести? Глядь, какой полезный «колобок» и организуется. Поразмыслив над этой идеей минут пять, отбросил, как нежизнеспособную. Все колдуны и чародеи, встреченные мной в этой жизни, на поверку оказывались обыкновенными шарлатанами, в лучшем случае – натурами нервическими, мятущимися во мраке собственных заблуждений. Во всяком случае, ни один из них летать не умел. Отсюда вывод – ничему хорошему они меня научить не смогут.

Получается, мне самому необходимо брать быка за рога. Вот только, как без конкретной информации о внутреннем строении человеческого организма хвататься за эти самые пресловутые рога? Вот же незадача! В Афгане насмотрелся на эти самые внутренности до блевоты и умопомрачения. Эх, зря не догадался поспросить полковых эскулапов, что означает тот или иной орган или кишка. А впрочем, эскулапам было не до объяснений – отрезал, зашил... тащи следующего!.. отрезал, зашил... и так далее – особенно после крупных «победоносных» наступлений.

А впрочем, где-то на книжных полках, кажется, завалился учебник средней школы по анатомии и физиологии человека. Может быть, его проштудировать – бог даст в голове прибавится. Хотя вряд ли – студенты-медикусы по пять-семь лет учатся в своих институтах, а выходят оттуда дураки дураками. Короче говоря, для начала необходимо взглянуть на себя со стороны.

Трудно объяснить с рациональной точки зрения, но на интуитивном уровне я был уверен, что с помощью новых возможностей вполне способен выполнить доскональную диагностику своего организма. Улегшись поудобнее в «кресле», я зажмурил покрепче глаза и сосредоточился. Вдруг «бабах!!!», и моя духовная сущность вновь оказалась вне своего естественного вместилища. Несмотря на царящий в гостиной полумрак, я прекрасно видел себя со стороны как есть: в семейных трусах по колено.

«Ух ты! – мысленно похлопал в ладоши самому себе. – Это же надо! Рассказал бы кто, ни в жизнь не поверил».

Попробовал варьировать своим новым зрением. Получилось. Для начала обследовал состояние кожных покровов. Все вроде бы без изменений: левая часть лица основательно посечена осколками – смотреть страшно, на спине шрамов также вполне хватает, насчет правой ступни и левой кисти и без осмотра понятно. Короче, красавец типа Квазимодо. Хотя сравнение далеко не в мою пользу. Скорее я был похож на какое-нибудь чудовище Франкенштейна или восставшего из могилы голливудского зомбяка – в темной подворотне лучше не сталкиваться нос к носу. Поэтому добропорядочные дамы, с которыми я иногда пытался завести близкое знакомство, торопились как можно быстрее убраться куда-нибудь подальше при одном моем появлении в поле их зрения. Единственной женщиной, рискнувшей за последние двадцать лет предложить мне свою душевную и телесную теплоту, была незабвенная Жанна Дырк. Но тут уж я сам поспешу слинять куда-нибудь подальше, поскольку еще неизвестно, каким букетом способна одарить прелестница того отчаянного смельчака, который рискнет вкусить ее сомнительных прелестей.

Затем изменил восприятие (сам не знаю, как это у меня получилось) и проник взглядом внутрь своего организма. Со стороны это выглядело так, будто с меня живого содрали кожные покровы или моя кожа вдруг стала прозрачной. С нескрываемым интересом я наблюдал за тем, как по венам и артериям струится горячая кровь, как мое сердце совершает свои безостановочные сокращения. Затем я увидел тот уродливый осколок мины в непосредственной близости от сердца, который врачи не рискнули извлечь из моего тела. Вообще-то приглядывавший за мной доктор еще в ташкентском госпитале показал мне пару-тройку рентгеновских снимков и настоятельно рекомендовал, чтобы я вел размеренный образ жизни, всячески избегал стрессов и экстремальных физических нагрузок. Да где уж там в наше беспокойное время избежать всего вышеперечисленного. Но ничего, двадцать лет отмотал на этом веку и помирать вроде бы пока не собираюсь – эвон новыми способностями обзавелся, глядишь, теперь и от осколка удастся избавиться.

Тщательно осмотрев себя как изнутри, так и снаружи, попытался мысленно воздействовать на отдельные участки тела. В частности, приказал покалеченным руке и ноге начать отращивать, а осколку в срочном порядке покинуть грудную полость. Но, как я ни старался, осколок никуда не двинулся, с изувеченными конечностями дела обстояли не лучшим образом. Однако я не сдавался и усиленно менял диапазоны восприятия, пытаясь подыскать такой режим, при котором смогу воздействовать на нужный орган. Я был уверен в том, что вполне способен сотворить чудо, главное – освоиться в этом новом своем качестве. Эта игра настолько захватила меня, что я не замечал хода времени – как висел в виртуальном кресле в потоке неведомой энергии, так и продолжал оставаться в этом благословенном потоке. В конце концов, мне удалось увидеть себя не в человеческом облике, а в виде светящейся субстанции. Едва лишь это случилось, как на меня, словно из рога изобилия, обрушился ворох разнообразнейшей информации, касательно состояния моей материальной оболочки. Откуда что взялось? Например, я узнал, что мой организм подвержен постоянной атаке со стороны всякого рода мелкого зверья: вирусов, бактерий, нематод, гельминтов. Причем, я был абсолютно уверен в том, что о существовании столь мудреных слов как «нематода» и «гельминт» раньше даже не подозревал. Впрочем, как и о других специфических терминах, применяемых исключительно

в медицине и биологии. В какое-то мгновение глаза мои (в фигуральном смысле, разумеется) буквально раскрылись на некоторые сокровенные тайны строения человеческого организма. Я узнал, что внутри вместилища моего разума постоянно существует гигантский социум со всеми свойственными любому социуму проблемами. Там «Силы Зла» ведут непрерывную борьбу с «Силами Добра». Вредоносные микробы и вирусы всеми правдами и неправдами стремятся проникнуть через многочисленные защитные барьеры, захватить плацдарм и подготовить генеральное сражение с целью тотального уничтожения всего организма либо максимального ослабления оного. Но в то же самое время «Воины Света» не дремлют. Вездесущие фагоциты носятся по всему телу и старательно следят за порядком, а в случае необходимости немедленно вступают в отчаянную схватку с любым противником. Полезная микрофлора кишечника подавляет патогенную нечисть. Заботливые эритроциты разносят по артериям и капиллярам кислород и питательные вещества, необходимые для восстановления «укреплений», разрушенных атаками врага.

Не успел я удивиться своему новому знанию, как моему сознанию начали открываться самые сакральные глубины строения человеческого организма. Как всякий образованный или просто интересующийся человек, я знал о существовании генетического кода, хромосом, рибонуклеиновых и дезоксирибонуклеиновых кислот. Конечно, мне было известно, что хромосомы содержат полную информацию о данном организме и что из одной клетки можно вырастить полноценное существо. Но до этого момента данное знание воспринималось мной как нечто совершенно абстрактное, меня не касающееся, ну, например, находка учеными-археологами очередного древне-индейского поселения где-нибудь на Юкатане, появление над Кейптауном неопознанного летающего объекта, иже с этим заплыв по реке легендарного кукуевского топора.

Теперь мне были ведомы такие глубины строения живой материи, что узнай об этом любой биолог, он тут же либо помер от тоски и зависти, либо запытал меня до смерти своими маловразумительными для уха простого человека специальными терминами. Откровенно говоря, знания мои были скорее интуитивного свойства, и вряд у нас с профессором получился бы конструктивный диалог. Сомневаюсь, что какой-нибудь малолетний хакер, смог бы толком объяснить взрослому дяденьке, каким это таким расчудесным образом ему удалось вскрыть коды доступа в сверхсекретные архивы Пентагона или, походя, перевести миллион-другой с банковского счета какого-нибудь частного лица в Панамериканский фонд Защиты Скунсов. Так и я вряд ли смог бы поведать ученым что-нибудь вразумительное о таких вещах, как межклеточный энергоинформационный обмен, митохондриальный матрикс и прочих премудростях, малоинтересных для среднестатистического любителя футбола, пива и покладистых девиц.

Еще раз хочу подчеркнуть, что не знаю, откуда на мою голову обрушились столь подробные знания. Вполне вероятно, что мне удалось подключиться к пресловутой Всемирной Астральной информационной сети, а может быть, они таились внутри меня, ибо существует гипотеза, что каждый из нас является хранилищем богатого опыта своих предков. Если один или несколько моих пращуров были врачами, вряд ли стоит удивляться моей осведомленности в области медицины. Впрочем, сейчас для меня главное значение имело то, что я не только обладал приличным багажом малоинтересной для большинства обывателей информации, но имел возможность с толком распорядиться ниспосланным свыше знанием. Не без некоторой опаски я начал перенастраивать энергетические потоки как внутри, так и вокруг своей телесной оболочки: подкачал дополнительные порции в те места, где, на мой взгляд, ее не хватало, разблокировал короткозамкнутые контуры, выполнил их перебалансировку и отладку.

Через десять минут моя духовная сущность завершила свои манипуляции и преспокойно вернулась обратно в телесную оболочку. И тут меня ожидало очередное в моей богатой собы-

тиями жизни фиаско. Ни кисть, ни ступня, ни глаз, восстанавливаться, похоже, не собирались – во всяком случае, никаких признаков отрастания отмечено мною не было.

– Вот же стервь подлючая! – заблажил огорченно я, а из единственного моего глаза полились обильные по-детски горячие слезы. – Самонадеянный идиот! Воспарил к потолку и возомнил себя самым Господом Богом! Принял весь этот шизоидный бред своей больной фантазии за божественные откровения. Щас, по щучьему велению рука отрастет, а по моему хотению бац – и глаз вылупился. Получи по рыльничку...

Не помню точно, сколько времени я так возмущался, обращаясь непонятно к кому. Наконец выдохся и от огорчения пребольно грохнулся о каменный пол. Совсем не эстетично на карачках добрался до своего дивана. Залез под одеяло с головой – так в далеком детстве прятался от Буки – и, поплакав еще какое-то время (а кого стесняться?) провалился, как ни странно, в цветной головокружительный калейдоскоп волшебных сновидений...

Что конкретно мне снилось, затрудняюсь припомнить. В памяти сохранилось одно яркое радостное пятно. Может быть, по этой причине проснулся я в слегка возбужденном состоянии, словно вот-вот должно произойти какое-то чудо: Деда Мороза ли прищучу у елки, или Карлсон в окошко залетит, а может быть, добрая фея материализуется из лунного света и исполнит мое самое заветное желание. Но ни Деда Мороза, ни веселого Карлсона, ни доброй феи, впрочем, как и лунного света, из которого она должна материализоваться поблизости не было. Вокруг тьма-тьмушая, хоть глаз выколи, лишь светящийся дисплей будильника да призрачный энергетический канал слегка разгоняют окружающий мрак.

Неожиданно на меня нахлынул поток воспоминаний и связанных с ними эмоций. Я вновь ощутил себя парящим в столбе призрачного света и то непередаваемое словами состояние блаженства. Также в памяти всплыло то, как я пытался отрастить утерянные конечности и глаз, и мне вдруг стало горько и обидно до слез.

«Жалко, что это был всего лишь сон, – разочарованно подумал я. – Надо же такому видиться: левитация, регенерация, всякая там магия».

Посмотрел на часы – без четверти десять. Ничего себе! Проспал звонок будильника. А, впрочем, торопиться особенно некуда – вчера я вполне заслужил длительный отдых. Денек поваляюсь, отдышусь. Кстати, завтра-послезавтра нужно будет в разведку сгонять. Особенно не выпачиваясь, порасспросить народ насчет Махтума и его отношения к исчезновению трех бойцов. Если, конечно, пропавшие не обнаружились. Но вряд ли – думаю от «копейки» и трупов мало чего осталось. Хотя урюк был в курсе, что Шатуна везут к нему, и его ребята наверняка сбили с ног в поисках одного бомжа, хотя бы для того, чтобы порасспросить его о судьбе пропавших товарищей.

«Не, Андрей Николаевич, – вновь обратился я мысленно сам к себе, – пора сваливать в Москву, ибо – как говаривал один неглупый человек – промедление смерти подобно».

Сладко потянулся и пальцами левой (!) руки почесал кончик носа. Поначалу этот факт как-то прошел мимо моего сознания. Лишь после того, как свет стоящего у изголовья торшера разогнал царящий в гостиной мрак, я сообразил, что в настоящий момент являюсь счастливым обладателем полноценной пары рук. Резким движением сдернул одеяло и глазам не поверил: ступня правой ноги также успела отрасти за ночь. Впрочем, сегодняшние сюрпризы не ограничились лишь восстановлением утраченных конечностей. В конце концов, до меня дошло, что теперь я взираю на мир не одним, а двумя глазами. Поднес руку к левой стороне лица и не почувствовал былой неряшливой бугристости и шершавости – под пальцами явно ощущалась гладкая кожа без каких-либо признаков многочисленных уродливых шрамов.

В полной растерянности я закрыл глаза, боясь их открыть, поскольку все увиденное мной посчитал в лучшем случае сказочным сновидением, в худшем – продуктом своей больной фантазии, окончательно покалеченной вчерашними событиями. Полежал немного – ничего не изменилось. Не открывая глаз, ущипнул себя за восстановленную щеку отросшей рукой.

Больно. Открыл глаза и, глядя на отросшую ступню, легонько надавил с боков на глазные яблоки – кажется, двоится. Откуда-то слышал, что это самый лучший способ проверки всякого рода галлюцинаций и видений: двоится, значит, существует. А если все это происходит во сне? Или все-таки не во сне?

Чтобы окончательно убедиться в реальности происходящего, потрогал зачем-то свой нос, затем для верности дернул за ухо. Больно, черт побери! Если бы спал, наверняка проснулся. Значит, это все-таки не сон.

Едва лишь я осознал этот факт, а также то, что потерянные двадцать лет назад части тела восстановились и по-прежнему функционируют, неуправляемый поток эмоций переполнил все мое естество и выплеснулся наружу в виде оглушительного вопля искренней радости. Я и сам не понял, как меня вынесло из постели, в следующий момент я как был в трусах начал исполнять какой-то умопомрачительный танец, более всего напоминавший пляски у костра каких-нибудь полудиких пигмеев или папуасов. Откровенно говоря, плясал я с такой неподражаемой «грацией», что журнальный столик оказался перевернутым вверх тормашками, а одна из книжных полок, случайно подвернувшаяся под руку, с треском рассыпалась на куски.

В конце концов, состояние абсолютного счастья сменила легкая усталость. Я грохнулся в кресло и с восторгом воззрился на учиненный мной беспорядок. Время от времени я бросал беспокойные взгляды на ступню правой ноги и подносил к глазам левую руку, дабы убедиться, что вновь приобретенные детали не есть плод моего разгулявшегося воображения, а объективная реальность, существующая вне моего или чьего бы-то ни было сознания. Наконец обеспокоенность прошла, и за дело взялся холодный разум.

Получается, то, что произошло со мной накануне, вовсе не было сном. Значит, я действительно черпал энергию из призрачного столба, и с помощью этой энергии мне все-таки удалось регенерировать утраченные органы. Вот это да! Следовательно, магия все-таки существует, невзирая на авторитетные возражения маститых ученых и церковников. И самое важное для меня, это то, что мне удалось к ней каким-то неведомым образом приобщиться. Вполне вероятно, решающую роль в этом сыграл тот самый удар битой по темечку, ведь сразу после него моему сознанию удалось впервые покинуть телесную оболочку.

Не усидев на месте, я снова вскочил и помчался стремглав к еле различимому в электрическом свете энергетическому столбу. Вновь испытал знакомое и весьма приятное ощущение, будто неожиданно оказался в ласковых объятиях теплого южного моря. Каждой клеточкой своего возрожденного тела я вновь впитывал неведомую субстанцию, ощущая при этом невероятное блаженство. По своему желанию я мог парить в этом потоке или вращаться в любой координатной плоскости...

Не знаю, сколько я так провисел, наслаждаясь новыми ощущениями, но, в конце концов, состояние щенячьего восторга как-то само по себе сошло на нет. Энергетический поток уже не аккумулировался в моем организме, а обтекал тело, будто вода в реке, из чего я сделал однозначный вывод, что впитал от источника всё, что он мог мне дать и больше ни единого ватта (или в чем там оно измеряется) божественной энергии усвоить неспособен.

Ступая босыми ногами по холодному полу, я направился к дивану, чтобы по привычке убрать постельные принадлежности в специальный шкаф. Годы казарменной жизни приучили меня к порядку и, несмотря на то, что порог моего жилища до сих пор не переступала нога постороннего человека, я не допускал в нем никакого бардака. Встряхнув простыню, я услышал легкий металлический удар по каменному полу пещеры. Нагнулся, и увидел небольшой иззубренный кусочек металла, покрытый бурой коркой, то ли ржавчины, то ли засохшей крови. Тут же сообразил, откуда он взялся на моем диване. Это был тот самый осколок мины, сидевший у меня под сердцем целых два десятилетия. Ошибиться было невозможно – в свое время, находясь в госпитале, я имел возможность досконально рассмотреть его на рентгеновских снимках, а нынешней ночью изучил со всех возможных ракурсов. Вот оно как получается, значит,

мне не только руку, ногу, глаз и кожу на физии отреставрировало, но весь организм починило, так сказать, комплексно. Поднял осколок и положил его на столешницу вновь установленного на ножки журнального столика – оставлю на память, как суровое напоминание о той далекой войне. Жалко ордена в свое время пропил. Да бог с ними, не стоит сожалеть об утраченном. Впереди полноценная жизнь к тому же в здоровом крепком теле.

Наведя порядок в гостиной, уединился в ванной комнате. Долго плескался под душем, тщательно изучая при этом свое некогда израненное тело. Болезненно худ, будто только что из Бухенвальда освобожден, зато ни единого шрама на мне не осталось. К тому же заново отросли пять ранее выпавших зубов, а оставшиеся как по команде выровняли свой строй и заметно побелели. На голове ни малейшего намека на былую седину. Морщины на лице и шее разгладились. Короче, помолодел как минимум лет на двадцать. Ну, если не на двадцать, на пятнадцать это уж точно, жалко зеркальце маленькое, многого не разглядишь.

После душа наведалься на кухню и только, открыв дверцу холодильника, понял, что голоден как волк, нет – стая волков. Основательно подхарчился хлебом, тушенкой и колбасой. Энергия оно, конечно, хорошо, но из воздуха или еще откуда питательные вещества, как я понял, не появляются. Иными словами: не духом святым и не магической эманацией жив человек, но и хлебом, и мясом, и прочими деликатесами. Как только в животе не осталось места хотя бы для самого маленького кусочка съестного, я ощутил непреодолимую слабость. По всей видимости, процесс регенерации еще не закончился, и тело настоятельно требовало покоя. Я не стал корчить из себя стойкого оловянного солдатика, вернулся в гостиную и с превеликими трудами снова расстелил постель. А через полминуты весело бежал куда-то по зеленому лугу, залитому летним солнцем в невероятно радужном и добром сне.

Глава 5

Затрудняюсь сказать определенно, сколько времени я провел в постели. Мои командирские останновились – забыл завести – поэтому какое в данный момент число и день недели я не знал. Продолжительные периоды сна чередовались с относительно недолгими промежутками бодрствования. Я просыпался лишь для того, чтобы освободить кишечник и мочевой пузырь, сполоснуться под душем, подзарядиться энергией от неиссякаемого источника, вновь набить брюхо тем, что хранилось у меня на кухне, и, добравшись до постели с основательно переполненным животом, вновь провалиться в сладкое забытие. Иногда мне хватало сил поменять провонявшее потом постельное белье, чаще я не был в состоянии этого сделать.

В какой-то момент я открыл глаза и не почувствовал ставшего уже привычным волчьего аппетита. По всему телу разливалось ощущение абсолютного здоровья. Вполне вероятно, для кого-то странно звучит сама фраза: «ощущение абсолютного здоровья» и, может быть, для того, чтобы испытать нечто подобное, нужно лет двадцать проходить на одной ноге, с одной рукой, одним глазом и осколком мины в непосредственной близости от сердца. Впрочем, я не поэт и не имею возможности выражать свои чувства и ощущения с помощью цветистых метафор, головокружительных гипербола и прочих хитроумных приемов, применяемых искусственными борзописцами. Короче говоря, в моем обновленном организме ничего не болело, чувство голода не терзало меня, поэтому валяться в насквозь пропахшей острым запахом пота постели особого желания не возникало.

Присел, свесив ноги вниз, и первым делом попытался нащупать ногами домашние тапочки – перспектива гулять босиком по ледяному полу пещеры не особенно прельщала. Лишь не найдя правого собрата своего домашнего тапка, сообразил, что в данный момент мне следует позаботиться о том, чтобы обеспечить себя какой-никакой обувкой. К счастью, в одной из подсобок хранился целый мешок разнообразнейшей обуви, собранной мной по городским помойкам и свалкам. Только не подумайте, что я, подобно Плюшкину, тащил в дом всё, что под руку подвернется. Просто иногда безалаберные граждане с легким сердцем избавляются от абсолютно новых вещей, мимо которых нашему брату – бомжу невозможно пройти спокойно. Мало ли для каких целей может пригодиться даже одноногую инвалиду неношенная пара ботинок, непонятно почему оказавшихся в мусорке.

Мигот слетал за мешком и с душевным трепетом начал перебирать хранившиеся в нем сокровища. Вот он – тот миг блаженства, когда я имею возможность выбрать для себя что-нибудь по вкусу. Посмотрел на ненавистные ортопедические башмаки и, злорадно усмехнувшись, подумал:

«Сегодня же выкину их к чертовой бабушке, чтоб глаза не мозолили».

Из кучи разнообразнейшей обуви выбрал пару зимних кроссовок подходящего размера, а для домашнего ношения меховые комнатные тапочки. Натянул на ноги обновку и помчался в туалетную комнату...

Стоя под душем, обратил внимание на одну занимательную деталь: подвешенная на кронштейне душевая насадка, находившаяся ранее значительно выше моей головы, теперь едва ли не упиралась мне в затылок. Поскольку сам по себе опуститься металлический кронштейн не мог, я сделал вполне логичное умозаключение: подрос именно я и подрос как минимум на пять сантиметров. Данный факт поначалу меня сильно озадачил, потом изрядно порадовал: пять см к моим ста восьмидесяти пяти – неплохая прибавка.

Придя на кухню, с огорчением отметил, что практически все мои продуктовые запасы подошли к концу. За то время, пока шел процесс регенерации, я умудрился слопать тридцать банок тушенки, килограммов пять или шесть разнообразной колбасы, дюжину банок фруктовых компотов, несметное количество овощных консервов, две буханки хлеба, мешок сухарей,

три десятка яиц вместе со скорлупой (по-видимому, кальций понадобился для восстановления костной ткани) и много чего еще по мелочи. Короче говоря, я основательно подчистил свои запасы. Впрочем, запасы – дело наживное. Не имею ни малейшего представления, что бы я без них делал, боюсь, попросту сдох бы от голода или, подчиняясь настоящему требованию разбушевавшегося желудка, вышел на ночную охоту и слопал бы какого-нибудь припозднившегося гражданина вместе с потрохами. Шучу, вряд ли что-нибудь подобное могло бы взбредти мне в голову, скорее всего, ради пополнения запасов пришлось бы стонать к Араму или в какую другую лавку. Сегодня уж очень острого чувства голода я не ощущал. Открыл банку консервированных абрикосов. Без спешки ее оприходовал. В завершение сварил порцию крепчайшего кофе и с кружкой дымящегося ароматного напитка направился в гостиную.

Устроившись поудобнее в кресле, сделал приличный глоток, блаженно зажмурился, оценивая органолептические достоинства напитка. И только теперь осознал окончательно, какая кардинальная перемена произошла в моей жизни. Двадцать лет я был ущербным инвалидом, бездомным бродягой, собирателем бутылок, пивных банок и прочего барахла. Худо-бедно я приспособился к этой жизни и теперь мне было немного не по себе от замаячившей на горизонте насущной необходимости что-то в ней переиначивать. Тот факт, что заниматься жизненным переустройством мне придется в обязательном порядке, я принял безоговорочно – было бы глупо, обзаведясь здоровым телом, влачить жалкое существование бомжа, перебиваясь рытьем в мусорных баках и собирательством стеклотары.

– Однако, Андрей Николаевич, – преувеличенно бодрым тоном обратился к самому себе вслух, – нужно что-то предпринимать.

Посмотрел на тусклый в свете электрической лампы торшера столб энергии, бьющий из-под земли. Затем перевел взгляд на валяющуюся у входной двери куртку и вспомнил о трофеях, изъятых из карманов моих незадачливых похитителей.

Допил кофе, поднялся с кресла, потянулся до хруста в костях. Затем сходил за курткой и, вернувшись на прежнее место, принялся освобождать ее карманы от содержимого. В результате на стол рядом с опустошенной кружкой легли мой тощий кошелек, «ПМ» – в простонародье «макар» или «макарыч» и довольно толстая пачка денег в российской, европейской и американской валюте.

Первым делом извлек магазин. Убедился в том, что все восемь патронов находятся в обойме. Снял пистолет с предохранителя, передернул затвор, выполнил контрольный спуск, вернул обойму на прежнее место, поставил оружие на предохранитель и положил на столешницу между пустой кружкой и кошельком.

Затем занялся конфискованными денежными средствами. Пересчитал и присвистнул – у меня на руках оказалось тридцать пять «штук» отечественными, пять тысяч долларов и три тысячи евро. Среди всего этого интернационального разнообразия затесались пять десятигривенных украинских банкнот со стриженным под горшок усаемым Мазепой и ранее невиданная мной бумажка с изображением какого-то уважаемого аксакала в меховой шапке и кириллической надписью: кыргыз банкы, жыйырма сом. Ни в жизнь бы не догадался, что «жыйырма» по-киргизски означает двадцать, если бы рядом с этим словом не красовалась соответствующая номиналу арабская цифирь. На обороте банкноты какое-то строение – по внешнему виду мавзолеей или еще какое-нибудь культовое сооружение и все те же: «кыргыз банкы» и «жыйырма сом». Подивившись запасливости своих незадачливых похитителей, сомы отложил в сторонку – замучаешься менять. Гривны сунул на всякий случай в обособленное отделение кошелька – пожалуй, впарю их какому-нибудь отъезжающему на свою историческую родину малороссу. Рубли присовокупил к тем, что уже находились в кошельке, а доллары и евро до поры до времени оставил лежать на столе.

Откинулся на мягкую спинку кресла и задумался. Как-то все странно устроено в этом мире. Еще несколько дней назад я и помыслить не мог о том, что вновь стану полноценным

(в физическом смысле) человеком: что у меня отрастут утраченные конечности, глаз, и что крайне опасный осколок наконец-то выйдет из моего тела. Теперь, когда это случилось, я практически не удивлен. То есть немного попрыгал от радости, а в остальном всё произошло как-то по-будничному просто. А ведь рассказать кому – не поверят. Вообще-то кому-то докладывать о том, что со мной случилось, я не собирался. Не сомневаюсь, что сам факт чудесного исцеления способен заинтересовать кого угодно, но становиться лабораторной крысой в лапах какого-нибудь фанатика от науки у меня не было ни малейшего желания.

Сейчас меня более всего интересовало не то, каким образом мне вновь удалось стать полноценным человеком, а то, чем я буду заниматься завтра, послезавтра и так далее. Можно, конечно, устроиться на работу, жениться, завести кучу детишек и осесть, хотя бы в том же Нелюбинске. Ах, да! Нужны документы: паспорт, военный билет и все такое прочее. Ну, с этим как-нибудь разберемся – при наличии определенных денежных средств это не проблема – к паспортистам можно подкатить или к криминальных дел мастерам.

Что касается денежных средств, они у меня имелись в достаточном количестве. Все-таки до последнего момента имел стабильный заработок, не пью без меры, как прочие мои коллеги по цеху, веду скромный образ жизни. За последние десять лет скопил довольно приличную сумму. Для чего копил? Сам не знаю. Сначала просто откладывал излишки, затем мечтал о собственном доме в каком-нибудь российском захолустье на берегу рыбной реки. Прослышав о новомодных биопротезах, управляемых силой мысли, подумывал обзавестись таковым. Теперь, когда надобность в протезах отпала сама собой, а мысль о том, чтобы обосноваться в глуши выглядела попросту нелепой, деньги мне понадобятся для максимально быстрой ассимиляции в современном обществе. Отвык бродяга от гражданской жизни. Точнее, никогда не привыкал к таковой. После десятилетки – казарма училища. Потом вроде бы подфартило – распределили в группу советских войск в Восточной Германии. А через полгода угодил в пыльный Афган, хотя обижаться особенно не на кого – сам виноват, ни к чему было бить морду тому майору...

Резко встряхнул головой, отгоняя навязчивые воспоминания о неприятных моментах прошлой жизни. Пожалуй, пора немного развеяться: прогуляться по свежему воздуху, пополнить продуктовые запасы, порасспросить народ о том, как обстоят дела в славном городе Нелюбинске.

Взглянул на светящийся дисплей будильника – без четверти десять. Интересно: день сейчас на дворе или поздний вечер? А впрочем, ни к чему гадать. Выйду, и все тут же выяснится. Вечер ли, день ли, а прогуляться не помешает – засиделся в берлоге, да и со жрачкой напряженка образовалась.

Выскочил из кресла, попытался натянуть штаны, но те оказались безнадежно коротковаты. Пришлось копаться в очередном мешке с барахлом, благо все найденные шмотки перестирал – будто знал, что когда-нибудь пригодятся. В результате выудил оттуда основательно помятый спортивный костюм. Затем наступила очередь моего стиранного-перестиранного тельника. Как оказалось, мои плечи стали намного шире, а руки толще, и полосатый попросту расплзся (эка жалость!) едва лишь я начал натягивать его на свое тело. Опять пришлось копаться в мешке с одеждой. Подходящей тельняшки не нашлось, зато обнаружилась какая-никакая футболка, хоть в плечах малость жала, зато в талии была даже слишком просторна. С подобранными заранее кроссовками особых проблем не возникло, было как-то непривычно видеть свои ноги не в изрядно опостылевших ортопедических ботинках, а во вполне гражданской обуви. Куртку пришлось застегнуть лишь на две нижние пуговицы, поскольку при всем моем старании сходить на изрядно раздавленной груди она упорно отказывалась.

Последний факт натолкнул меня на вполне закономерную мысль основательно обновить свой гардероб. В столь странном прикиде я выглядел по меньшей мере смешно, а в худшем случае – крайне подозрительно. Извлек из кармана кошелек и еще раз пересчитал хранившиеся

в нем рубли – чуть больше тридцати пяти тысяч. Сумма, конечно, не маленькая, но для того, чтобы качественно экипироваться, пожалуй, маловато будет. Наведался в одну из подсобок, где в укромном месте хранились мои валютные запасы. Забрал оттуда всю рублевую наличность – чуть больше двадцати тысяч, к изрядной пачке наличной валюты добавил изъятые у покойных азиатов доллары, евро, а также «ПМ».

Был ясный солнечный денек по-весеннему теплый. Зимнюю меховую куртку полностью расстегнул, и та, хоть по-прежнему и стесняла мои движения, теперь не выглядела уж очень комично. Первым делом решил посетить магазины одежды, поскольку нелепый вид моих одежек здорово меня смущал и вызывал в душе небезосновательные опасения, что моей персоной может заинтересоваться первый встречный милиционер. Здоровенный детина в мятом спортивном костюме и куртке явно с чужого плеча, с приличной суммой в кармане, к тому же без документов – ну чем не кандидат на задушевную беседу с каким-нибудь особо рьяным следователем? На такого и парочку безнадежных «глухарей» повесить одно удовольствие. Поскольку сегодня убивать мне никого не хотелось, пришлось ускорить шаг...

Через пару часов из дверей модного салона одежды вышел не какой-то там бомж, а мужчина вполне респектабельной наружности. На мне как влитой сидел строгий темно-серый костюм, пошитый хоть и отечественными умельцами, но из якобы настоящего английского твида. Под пиджаком темная футболка. На ногах модные английские ботинки. Небрежно расстегнутый черный кожаный плащ, зачесанные назад по последней моде волосы и солнцезащитные очки делали меня похожим на главного героя фильма «Матрица». Насчет внешней схожести с каким-то Киано Ривзом, уверяю, не моя идея, поскольку до сего момента я даже не подозревал (да простят меня фанаты) о существовании этого человека, впрочем, также как и самого фильма. Об этом во всеуслышание сообщила одна из обслуживавших меня девушек. После того, как остальные сотрудницы дружно признали ее правоту, мои акции в глазах девиц выросли прямо на глазах. Впрочем, я особенно не возгордился, а поспешил побыстрее убраться восвояси, оставив на память девчатам, кроме приличной суммы, всю свою старую одежонку.

Окинув оценивающим взглядом свое отражение в зеркальной витрине, заценил новый имидж, как вполне удовлетворительный. Закурил папиросу и неспешным шагом двинул в направлении центральной части города. При этом не без удовольствия ловил на себе заинтересованные взгляды совсем еще молоденьких вертихвосток, девушек постарше и дам вполне солидных.

Поскольку время суток перевалило за полдень, мой изнуренный многодневной сухомяткой желудок напомнил о своем существовании довольно громким урчанием. Мне стало очень неудобно перед встречными дамами. Посему решил наведаться в какое-нибудь приличное заведение общественного питания. Как по заказу, через пару кварталов мне на глаза попался двухэтажный особнячок с вывеской над парадным входом: «Ресторан Нелюбинские дали» чуть ниже имелась приписка: «В будние дни с 11–00 до 15–30 комплексные обеды по умеренным ценам»...

Подкрепившись наваристым украинским борщом со шкварками, сметаной и пампушками, котлетой по-киевски с картофельным гарниром и приличных размеров куском миндального торта с чаем, почувствовал себя человеком. Ресторан покинул в твердой уверенности в том, что жизнь удалась и ничего в этой жизни менять не нужно.

Впрочем, подобное благодатное состояние довольно быстро улетучилось. Всякие мысли завертелись в голове, особенно касательно моего дальнейшего существования. Теперь, когда я при руках и ногах, иными словами: вполне полноценный индивид, заниматься сбором стеклотары и цветмета как-то несолидно. Подаваться в подсобные рабочие или грузчики не особенно тянуло. Мысленно спросил себя: «А что ты вообще умеешь, Андрей Николаевич, кроме, как лишать жизни себе подобных?» И тут же ответил на поставленный вопрос: «По большому счету – ничего». В таком случае, может быть, в армию податься? Подумал и тут же язвы-

тельно ухмыльнулся: там только и ждут меня. Проще устроиться во французский Иностранный легион, чем в родную Российскую Армию. Выходит, мне прямая дорога в дорожные рабочие на укладку асфальта или на стройку, подтаскивать кирпичи какому-нибудь квалифицированному каменщику таджикской национальности. М-да... выбор небогатый, хотя вариантов подобного рода бесчисленное множество: колоть дрова для придорожной шашлычной, месить лопатой цементный раствор, мести улицы и дворы и так далее...

Впервые за всю свою сорокапятилетнюю жизнь я почувствовал себя по-настоящему никому не нужным, даже более ненужным, чем несколько дней назад, когда был ущербным инвалидом. Можно, конечно, податься в бандиты. Однако это не для меня. Не то, чтобы я уж очень боялся конфликтовать с законом – два последних десятилетия моей жизни, по сути, и есть ярчайший образчик подобного конфликта, но обустраивать свое счастье на несчастье других – увольте. К тому же честь офицера для меня до сих пор не пустой звук, как бы это нелепо ни выглядело в наш век тотального стяжательства и повального прагматизма.

Неизвестно, сколько времени меня терзали бы подобные мысли, но в какой-то момент из задумчивого состояния меня вывел невыносимо визгливый вопль, принадлежавший какой-то весьма взволнованной особе противоположного пола:

– Помогите, люди добрые! Помогите! Мужу плохо!..

От неожиданности я вздрогнул, поднял голову, осмотрелся и понял, что ноги сами вывели меня на территорию городского парка культуры и отдыха. На протяжении долгого времени парковая зона находилась в сфере моих интересов как неиссякаемый источник стеклотары и дармового баночного алюминия. К тому же ходить в ортопедической обуви по мощеным брусчаткой дорожкам было неизмеримо приятнее, чем по разбитому асфальту городских тротуаров. В десятке метров прямо на этой самой брусчатке лежал в позе эмбриона какой-то мужчина. Рядом растерянная и очень напуганная женщина лет тридцати пяти блажила дурным голосом.

Не медля ни секунды, я бросился к означенной парочке. Первым делом велел барышне замолчать, прийти в себя и вызвать «Скорую помощь». Затем присел рядом с лежащим на земле мужчиной. Больной был в сознании, но страшно бледен, к тому же его нещадно колотило, будто с великого бодуна. Скорее всего, инфаркт. Я, хоть и не врач, но в таких вещах немного разбираюсь – пару раз имел сомнительное удовольствие наблюдать за тем, как эта напасть косит нашего брата-бомжа. Вполне возможно, я ошибался и никакой это не инфаркт, а, например, пищевое отравление или еще что-нибудь.

– Ну что, вызвали бригаду «Скорой помощи»? – не отводя взгляда от больного, поинтересовался я у его жены.

– Он-ни нн-не мм-могут, – заикаясь от волнения и стараясь не разреветься, промямлила женщина.

– Почему не могут? Только не тушуйтесь, говорите четко! – нарочито грубо, чтобы встряхнуть смертельно напуганную даму, рявкнул я.

Моя уловка подействовала. Женщина немного успокоилась и более твердым голосом доложила:

– Сломалась дежурная машина, а остальные на выезде.

– И когда они обещают подъехать?

– Только через полчасааа! – с трудом выдавила она и горько разрыдалась.

Я поднялся на ноги и, обведя собравшуюся вокруг толпу взглядом, громко спросил:

– Медицинские работники имеются?!

Судя по гнетущему молчанию, ни одного врача или, на худой конец, медсестры среди звек не обнаружилось. Тем временем больному становилось все хуже и хуже. Его еще сильнее скрючило, озноб усилился, кожа приобрела мертвенно-бледный оттенок. Я понял, что если в самое ближайшее время ему не оказать квалифицированной медицинской помощи, он попро-

сту отправится на тот свет. Во всяком случае, приезда врачей он не дожидается. Судя по внешнему виду, мужчине не было еще и сорока, не богатырь, но вполне крепок на вид. Ох, и угораздило же тебя, дружище, так запустить свое сердечко. Я перевел взгляд с корчащегося от боли мужа на его супругу, размазывающую тушь по щекам, и мне вдруг стало невыносимо жалко этих людей. Будто острым ножиком по сердцу полоснуло. Мысленно я махнул рукой: а, была – не была. Я хоть клятвы Гиппократу не давал, но, черт побери, просто обязан сделать все, что в моих силах для спасения этого человека.

– Что у вас болит? – обратился я к мужчине.

Но тот лишь пучил глаза и трясся, будто от лютого холода, не в силах ответить на мой вопрос.

Не получив ответа, я закрыл глаза и попробовал взглянуть на пациента тем иным зрением, с помощью которого не так давно мне удалось заглянуть внутрь своего организма. Получилось это у меня как-то по-будничному просто. Сначала растаяли одежды, затем поблекли и стали прозрачными кожные покровы, мышечные ткани, кости и, наконец, моему «взору» предстали внутренние органы. Я хоть и не хирург-кардиолог, но на интуитивном уровне понял, что с сердечком больного не все в порядке. Об этом однозначно свидетельствовали слабые и неравномерные сокращения сердечной мышцы. Поднялся на боле высокий уровень восприятия. Теперь внутренние органы светились всеми оттенками солнечного спектра: печень – колеблющимся желтым светом, почки – темно-синими неравномерными переливами, легкие излучали неровное розоватое свечение. Сердце выглядело, будто раскаленный докрасна кусок железа. Приглядевшись повнимательнее, я понял, что примерно треть этого «куска» потеряла былую яркость и почернела. Не нужно быть доктором, чтобы вполне адекватно интерпретировать данный факт. Несомненно, «остывшая» часть сердечной мышцы подвержена необратимым некротическим изменениям (откуда только в голове берется?) и, судя по тому, что орган постепенно начинает «остывать», полная его остановка наступит через пару-тройку минут.

Я был вполне готов к тому, чтобы выполнить необходимые восстановительные манипуляции, но для этого больной должен максимально расслабиться и лечь на спину. Мне пришлось взять под тотальный контроль его тело. Получилось это также довольно легко: часть моего «я» продолжала наблюдать за патологическими трансформациями сердечной мышцы, а другая часть буквально вытеснила из телесной оболочки его духовную сущность. Все происходящее напомнило мне недавний случай с водителем внедорожника, с той лишь разницей, что сейчас я пребывал не в одной, а сразу в двух ипостасях: Андрея Николаевича Шатуна и ранее неведомого мне Абрама Ароновича Гольцмана. Еще я узнал, что Абрам Аронович недавно потерял существенную часть своего бизнеса, отчего испытал сильное душевное потрясение. А также о том, что у него и его любимой жены Софии Михайловны имеются трое малолетних детишек, которых нужно еще очень долго «доводить до ума». Впрочем, подробности частной жизни предпринимателя в данный момент меня мало интересовали. Больше всего меня беспокоила страшная боль в груди. Ощущение такое, что какой-то хирург-вредитель вскрыл мою грудную клетку и высыпал туда целый совок пылающих углей. Кроме этого, я испытал гложащую боль в солнечном сплетении и мучительный рвотный спазм, застрявший где-то в районе гортани. Казалось, стоит всего лишь опорожнить желудок, и тут же полегчает, но по какой-то непонятной причине ком в горле никак не желал выходить наружу.

Преодолевая невыносимую боль, я (в данном случае А.А. Гольцман) постарался расслабиться и с превеликим трудом вытянулся на жесткой каменной брусчатке, без всякой постоянной помощи мне даже удалось улечься на спину. Затем я же (на сей раз А.Н.Шатун) положил руки на грудь больного и потихоньку, чтобы ненароком не навредить, начал закачивать в пострадавший орган дополнительные порции энергии. Постепенно «наполовину остывший кусок железа» стал наливаясь обнадеживающей краснотой. Помертвевшие участки сердечной мышцы начали восстанавливаться буквально на глазах. Взамен старых изрядно изношенных

сосудов по всему сердцу расплзлись новые функциональные кровотоки. Боль в груди и в солнечном сплетении начала потихоньку отпускать и вскоре вовсе пропала, будто ее и не было. Как только это случилось, я посчитал возможным, освободить сознание пациента и полностью сосредоточился на восстановлении пораженного органа.

После того как основательно отреставрированное сердце «заполыхало ровным красным светом», я окончательно убедился в том, что здоровью пациента более ничего не угрожает. На всякий случай обследовал прочие внутренние органы, мимоходом кое-что подправил. Посчитав свою задачу полностью выполненной, я отключил астральное восприятие, с улыбкой взглянул на начавшего оживать господина Гольцмана и с укором произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.